

Выйди за моего мужа
ЗАМУЖ

МАЙРАНА МИСТЕРУ

Майарана Мистеру

Выйди за моего мужа замуж

<https://litres.ru/74345949>

Аннотация

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26

Моя лучшая подруга сочувственно вздыхала, пока я гробила здоровье ради бизнеса мужа, а потом искренне плакала, когда он отправил меня на казнь, чтобы забрать мое по праву. Я умерла, осознав, что эти двое десять лет водили меня за нос, пока я считала себя бесплодной пустышкой. Но судьба вернула меня в мои восемнадцать, и больше я не буду слепой жертвой. Забирай его, милая подруга, выйди за моего мужа замуж прямо сейчас, пока он гол как сокол, а я позабочусь, чтобы без моих денег ваша жизнь стала адом.

ОДНОТОМНИК

Литмоб "Истинная пара"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	66
Глава 5	80
Глава 6	96
Глава 7	123
Глава 8	168
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Пролог

Дерево под коленями было влажным и липким. Я старалась не думать, от чего именно. Палач дышал тяжело, с при-свистом, и от его кожаного фартука несло застарелым потом. Он методично тер лезвие секиры грязной тряпкой, словно это занятие было сейчас самым важным на свете.

— ...признана виновной в тягчайшем преступлении против короны! — голос глашатая над площадью гудел, усиленный артефактом-рупором.

Моим, к слову, изобретением. Третья модификация, патент на которую заботливо оформлен на мужа.

В меня полетел огрызок яблока. Больно ударил по ключице, оставив грязный след на белой рубашке. Толпа бесновалась, требовала крови, но звуки долетали до меня словно сквозь толщу мутной воды.

Я смотрела только в одну точку. В первый ряд, прямо за оцеплением стражи.

Они даже не пытались отойти друг от друга. Алифанта судорожно прижимала к лицу кружевной платок, но плечи под дорогой тканью оставались совершенно неподвижными. Ни единого всхлипа. А Клэйд... Мой милый, нежный Клэйд, ради которого я десять лет стирала пальцы в кровь, вычерчивая руны, и сожгла магическим истощением зрение.

Он смотрел на меня так, будто я была грязным пятном на

его новом камзоле. Будто не мы делили постель все эти годы, будто не я принесла ему титул барона и целое состояние.

«Ты пустоцвет, Дэйна», — эхом отдался в голове скрипучий голос свекрови.

Я ведь не верила ей. Пила дрянные горькие зелья, плакала по ночам в подушку, чувствуя себя бракованной, неполноценной. Лекари только руками разводили.

Ветер резко рванул ткань платья Алифанты, прижав подол к ногам. Она торопливо, почти инстинктивно накрыла талию ладонью. Округлость, которую уже невозможно было спрятать за модным кроем.

Значит, Клэйд вполне мог иметь детей. Просто не от меня.

Меня словно окатили ледяной водой. И вдруг все стало до тошноты логично. Ночной обыск. Найденные в моей наглухо закрытой мастерской темные амулеты, которые я в глаза не видела. Суд, на котором мне даже не дали открыть рот в свою защиту.

Конечно. Зачем разводиться? Зачем отдавать бывшей же-не половину бизнеса и, что куда страшнее, все права на новые разработки? Гораздо проще объявить ее черной ведьмой и отправить на эшафот. Идеальный план: он — безутешный вдовец, наследство при нем, а новая беременная жена уже заботливо держит под руку.

Стражник грубо пнул меня между лопаток.

— Голову ниже!

Я дернулась, и в этот миг основание шеи обожгло так, что

я едва не завывала. Там, под сложными слоями иллюзий, которые я параноидально обновляла каждое утро, проснулась метка. Она взбесилась, отзываясь на мой липкий, животный страх, требуя позвать того, чье имя я десять лет боялась даже мысленно произнести.

Я коротко, хрипло рассмеялась. Палач аж замер с тряпкой в руках.

Какая ирония. Десять лет назад я сбежала от истинности. Спрятала метку могущественного дракона, графа Араэдана Сайса, наслушавшись жутких слухов о его жестокости. Я выбрала тихую, безопасную жизнь со «светлым» мальчиком Клэйдом. Отказалась от чудовища ради прекрасного принца.

И вот мой принц привел меня на плаху, а чудовище, ставшее нашим главным конкурентом, даже не знает о моем существовании.

Плакать расхотелось. В груди вместо страха начала подниматься горячая, удушливая ярость.

Я выпрямила спину. Игнорируя тычки стражи, вскинула подбородок и посмотрела прямо в глаза мужу и своей лучшей подруге. И я увидела, как дрогнула торжествующая полуулыбка на губах Клэйда. Как Алифанта внезапно побледнела и испуганно вцепилась в его локоть.

Пусть гадают. Пусть до конца жизни боятся этого взгляда.

Я тяжело опустила голову на плаху. В нос ударил густой запах железа. Тень от широкого лезвия накрыла лицо. Я закрыла глаза.

Десять лет я тянула эту лямку, пытаюсь заслужить любовь, которой не было. Господи, как же я устала...

Глава 1

Музыка ворвалась первой. Скрипки тянули мелодию старого вальса, и сквозь нее пробивался женский смех, звон хрусталя, шорох тяжелых юбок по паркету.

Тень от лезвия исчезла.

Запах железа сменился сладким, душным ароматом лилий и горячего воска. Что-то холодное лизнуло пальцы. Я опустила взгляд. Хрусталь накренился в моей руке, лимонная вода выплеснулась на белую перчатку темным пятном.

Бокал выскользнул и зазвенел по полу.

Звон разлетелся по залу осколками. Несколько голов повернулось в мою сторону. Я моргнула, потом еще раз, пытаясь свести в одну точку этот мир, который секунду назад был эшафотом, а сейчас оказался бальным залом баронессы Жендаль.

Свет канделябров резал глаза.

— Дэйна? — Алифанта тронула меня за плечо. Ее затянутые в кружево пальцы оказались тонкими, теплыми. — Дэйна, ты совсем бледная. Тебе дурно?

Я повернула голову.

Это лицо врезалось мне в память совсем другим. Застывшим, фарфоровым, с прижатым к губам платком на площади. А теперь передо мной стояла восемнадцатилетняя девочка с румянцем на скулах, с искренней тревогой в широко

распахнутых голубых глазах, глядя на меня так, будто я и правда сейчас рухну ей на руки.

Подруга.

Я смотрела на нее долго, наверное, слишком долго, потому что румянец на ее щеках стал ярче, и она потянулась поправить мне локон у виска.

— Деточка, вы и впрямь взбледнули. — Голос баронессы Жендаль раздался слева, и я медленно обернулась.

Хозяйка приема разглядывала меня с дежурной светской заботой. На ее шее, поверх тяжелого черного бархата, пока поблескивало какое-то безобидное ожерелье. Но, глядя на нее, я вспомнила то, что должно произойти. Через три года, может, через четыре, кто-то купит в антикварной лавке крупный медальон с фиолетовым камнем и подарит баронессе на годовщину свадьбы. Она наденет его утром, а к вечеру слуги найдут ее в спальне с лиловыми разводами вокруг рта.

Внутри камня будет полая капсула с ядом, медленно сочащимся через дешевое крепление.

— Простите, — выдавила я, — голова закружилась.

— Корсет, голубушка. — Баронесса понимающе покачала головой. — Я говорила вашему батюшке, что юным барышням ни к чему так туго шнуроваться. Жаль, конечно, что вашему поклоннику пока закрыт ход в приличное общество. Ему бы не помешало самому приглядывать за вашей бледностью.

Клэйд.

Его, конечно же, здесь нет. Клэйд Авинталь не имеет титула, чтобы ступать по этому паркету.

Вспомнив о нем, мне стало холодно.

— Я отлучусь на минуту, — сказала я и отступила на шаг, потом еще на один.

Алифанта схватила меня за запястье.

— Дэйна, подожди. Что с тобой? Ты как будто привидение увидела.

Я молча выдернула руку, и она отпустила, удивленная. Тонкие брови сошлись на переносице. Ровно та гримаска, которую я знала наизусть. Сейчас она проследует за мной, начнет уговаривать вернуться, и я опять буду кивать, потому что Алифанта всегда умела убедить, всегда находила слова, звучавшие как самая ласковая правда на свете.

Знаю я твою правду, подруга.

Я отвернулась и сделала первый шаг в сторону колонн.

И в эту секунду где-то у дверей церемониймейстер резко ударил посохом в пол.

— Его сиятельство граф Араэдан Сайс!

Зал затих ровно на полтакта, и этого хватило, чтобы я застыла на месте, как будто меня прибили к паркету.

Я не оглядывалась.

Мне даже оборачиваться не понадобилось, чтобы понять, кто сейчас стоит на верхней ступеньке широкой лестницы. Жар прокатился от шеи к ключицам, скользнул вниз, под ребра, и метка на левой стороне шеи, скрытая под тяжелыми

длинными волосами, проснулась так, будто ее ткнули раскаленной иглой.

Я медленно повернула голову.

Он спускался по ступеням. Я успела выхватить взглядом лишь высокую фигуру в темном, тяжелые черные волосы, собранные в низкий хвост, и золотой блеск глаз. Они нашли меня сразу, поверх голов, дамских вееров и завитых причесок, как будто в зале никого больше и не было.

В прошлый раз я тоже стояла именно здесь.

В прошлый раз я зажала ладонью шею, ощутив этот ожог, совершенно не понимая, что происходит. Думала, кто-то меня сглазил. Думала, на меня пролили что-то ядовитое за вырез. В свои восемнадцать лет я не знала, что такое истинность, только читала о ней в потрепанной бабушкиной книжке, где говорилось, что метка проявляется лишь у драконов, а драконов в столице давно не водится.

Сейчас я знала.

Знала, что он чувствует то же самое. Что метка зовет его не хуже маячка, и он будет искать ее источник, пока не найдет.

И в прошлый раз он почти меня нашел.

— Дэйна, ты белая как полотно, — снова раздался голос Алифанты, теперь у самого уха. — Сядь, я попрошу воды.

— Я еду домой.

— Что? — она моргнула. — Сейчас? Но мы только приехали, и баронесса же наверняка обидится...

— Алифанта, мне дурно. — Я повернулась к ней, схватила за обе руки и сжала. Видимо, в моем лице было что-то такое, от чего она запнулась на полуслове. — Передай хозяйке, что я уехала. Скажи — корсет, скажи что угодно. Я больше не могу здесь находиться.

Ее голубые глаза заметались.

— Я поеду с тобой.

— Нет.

Слово выскочило слишком резко.

Я заставила себя смягчить голос, чуть приподняв уголки губ. Вспомнила, как делала это с ней сотни раз раньше, сидя за чаем в нашей с Клэйдом гостиной и выслушивая ее советы о том, как мне быть терпеливее с ним.

— Останься. Будет неловко, если мы обе сбежим с приема баронессы. Ты же знаешь, как она потом перемоеет кости. Прикрой меня, ладно?

На ее лице на миг возникло облегчение, но она тут же придушила его беспокойством. Раньше я бы его не заметила. Но сейчас я цеплялась за каждое движение ее ресниц, и за этот короткий проблеск почти поблагодарила ее.

— Хорошо, — кивнула она. — Я скажу баронессе. Завтра в академии мы все обсудим.

Я отступила.

Краем глаза уловила движение в центре зала. Высокая фигура продвигалась сквозь толпу. Хотя я и смотрела вниз, на свои собственные туфли, я ощущала это приближение всей

спиной. Гости расступались перед ним, дамы оборачивались; кто-то протянул руку для приветствия, он ответил коротким кивком и пошел дальше. А метка под волосами горела все яростнее.

Он шел в мою сторону.

Я нырнула в ближайший проход между колоннами, обогнула трио девиц, весело щебечущих у пальмы в кадке, и прибавила шагу.

— Леди Мортим! — окликнул меня кто-то из стариков, кажется, советник Лоутер.

Я только мотнула головой и ускорила шаг.

Двери на балкон стояли открытыми, в зал тянуло прохладой и сырым запахом сада. Я выскочила наружу, на мгновение зажмурилась от темноты после яркого света и устремилась дальше, мимо двух перешептывающихся в углу пар, через каменные ступени, вниз.

Гравий захрустел под тонкими подошвами.

Платье цеплялось за подстриженный самшит. Я подобрала юбку выше, чем позволяли приличия, почти подоткнула за пояс, и побежала по дорожке к подъезду, огибая главную лестницу боковым ходом.

Кареты выстроились вдоль ограды длинной чередой.

Наша была пятой или шестой. Я узнала ее по гербу Мортимов на дверце и по знакомому кашлю кучера Сорена. Увидев меня одну, в саду, в смятом платье, он чуть не уронил трубку.

— Леди? Что случилось?

— Домой, — выдохнула я. — Сейчас же, Сорен.

Он засуетился, опустил подножку, и я почти запрыгнула в темное нутро кареты, плюхнувшись на сиденье так, что скрипнула обивка. Дверца захлопнулась. Я отодвинула край шторы на палец, прижалась лицом к стеклу.

На верхней площадке парадной лестницы стоял он.

Высокий, неподвижный, в темном камзоле, который казался совсем черным на фоне освещенных окон. Он смотрел в сад. Лица я не разглядела, уловила лишь эту напряженность, эту охотничью позу. И глаза.

Они горели золотом в темноте, как у крупного зверя у ко-стра.

Я отдернула шторку и стукнула ладонью по передней стенке.

— Гони!

Карета дернулась. Колеса захрустели по подъездному камню. Я откинулась на спинку и прижала ладони к лицу. Под пальцами щеки оказались ледяными, а сами ладони почему-то горели.

Сердце колотилось где-то под горлом.

Десять лет.

Десять лет назад я точно так же сидела в этой карете после этого же приема и трясла головой, не понимая, что со мной творится. Я тогда так перепугалась, что не выходила из дома целый месяц. «Болеет», — говорил отец гостям; «бледная»,

— шептались служанки. На самом деле я запиралась в мастерской, листала запрещенные книги, плакала и подбирала формулу за формулой, пока не нашла подходящий ритуал, чтобы загасить эту жгущую штуку на шее.

Я закрыла глаза.

Мне восемнадцать. Мне снова восемнадцать. Я знаю это, потому что на мне платье из бледно-зеленого шелка, которое отец подарил на совершеннолетие (а через полгода я отдам его в благотворительный сбор для бедных учениц академии). Знаю, потому что на моем пальце нет обручального кольца. И потому что баронесса Жендаль стояла в зале живая, источая сладкий аромат духов, которые перестанут возить в столицу после ее смерти.

Я отняла ладони от лица и уставилась в темное окно.

Карета катилась по освещенным фонарями улицам, мимо знакомых домов. Каждый поворот, каждый перекресток ложился мне на грудь тяжестью узнавания. Вот сейчас будет аптека старого Меерсона. Затем — переулок к ювелирной лавке. Дальше покажется фонтан с каменным львом, которому на следующей неделе мальчишки с соседней улицы отколпют ухо.

Все на своих местах.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и попыталась сосредоточиться.

Возможно, это сон. Тот короткий обморок перед ударом секиры, тот миг, когда душа уже все понимает, а мозг ли-

хорадоочно подсовывает спасительные иллюзии. Говорят, перед смертью люди видят всю жизнь. Может, мне показывают только конкретный вечер, и я просижу здесь до утра, а потом меня разбудит глухой удар лезвия, и все закончится.

Тогда почему мне так холодно?

Я прижала пальцы к запястью. Пульс отстукивал быстро, неровно, как у живой. Воздух пах сыростью, где-то впереди жалобно тявкнула собачонка, и кучер выругался сквозь зубы. Слишком много мелочей. Сон так не работает.

А если это рай, при чем тут Алифанта?

Я хмыкнула, и от этого звука стало чуть легче — словно я снова слышала собственный голос. Если это рай, тогда тогда же притащили мою лучшую подругу, обвинившую меня в черном колдовстве. Спасибо, конечно. Очень странное у вас представление о вечном блаженстве.

Но если это все-таки прошлое...

Я медленно выпрямилась.

Если это прошлое, у меня есть метка. Есть отец — живой, дома, в маминой гостиной (скорее всего, с книгой, потому что по вечерам он всегда сидел в ее любимом кресле). Есть Клэйд, который еще не успел ничего у меня украсть. Есть Алифанта, у которой пока что лишь мелькает на лице то самое короткое облегчение — и я могу его проигнорировать, а могу подмечать каждый день.

И есть граф Сайс, который только что искал меня по балльному залу.

Я облизнула пересохшие губы.

В прошлый раз метка довела меня до постельного режима. В этот раз я проведу ритуал за пару часов. У меня в голове до сих пор хранится формула, которую я довела до ума на пятом году совместной жизни с Клэйдом, когда приходилось обновлять иллюзию каждое утро. Сейчас все проще: рисунок свежий, без застарелых наслоений, и я точно знаю, какие руны нужны.

С этим я разберусь.

Карета замедлилась, качнулась и встала. Сорен тяжело прыгнул с козел, обошел экипаж, открыл дверцу. Я приняла его руку. Под подошвами захрустел гравий нашей подъездной аллеи.

Дом стоял передо мной.

Двухэтажный, с темными ставнями на верхних окнах и светящимся прямоугольником прихожей. Над крыльцом покачивался фонарь с зеленоватым артефактным стеклом. Папина работа, между прочим. Я сама вырезала для него руну освещения, когда мне было лет четырнадцать.

Ноги перестали слушаться.

Папа умер, когда мне было двадцать два. Болезнь, которую тогда не умели лечить. Через два года после его смерти один из врачей собрал артефактный комплекс, эта дрянь стала отступать, и я с горечью читала статью в вестнике: комплекс собрали из деталей, поступавших с фабрики Авинталей.

Из деталей, которые разрабатывала я.

Тогда я сидела в гостиной и плакала до тошноты. А Клэйд гладил меня по плечу и убеждал, что я не виновата, что мы не знали, что я делаю великое дело, спасая жизни. Я кивала, сморкалась в его платок и любила его за то, что он умеет так утешать.

Сейчас я стояла на крыльце и не могла поднять руку, чтобы толкнуть дверь.

Дверь открылась сама.

— Леди Дэйна? — Дирэл удивленно приподнял брови, держа в руке зажженную свечу. — Так рано? Я думал, прием закончится за полночь.

И вот тут у меня перехватило горло.

Дирэл стоял в дверном проеме. Абсолютно живой, настоящий, в своей привычной темной ливрее, с клочком седых волос, упрямо торчащим у виска, который он прилизывал каждое утро и который к вечеру снова топорщился. Дирэл, умерший от удара через пять лет прямо за работой в кладовой, разбирая зимние ковры.

Я сделала шаг вперед.

— Прием был чудесный, — услышала я свой голос откуда-то издалека. — Просто голова разболелась. Корсет, наверное.

— Ох, эти корсеты. — Он покачал головой, поставил свечу на консоль и потянулся за моей накидкой. — Госпожа баронесса столько раз говорила господину, что вас слишком

туго шнуруют. Давайте-ка я... сейчас, осторожно.

Его руки, по-стариковски подрагивая, аккуратно сняли с моих плеч тонкий бархат и повесили на крюк.

— Чаю? Кухарка еще не спит, разогреет в один миг.

— Папа дома?

— В гостиной госпожи. Куда ж ему деться вечером.

— Я к нему.

— Передать чай туда?

— Да. — Я кивнула и вдруг услышала, как мой голос дает трещину. — Да, Дирэл, спасибо. Принеси, пожалуйста, два.

Я пошла по коридору быстрее обычного.

Дом пах ровно так, как я помнила: лавандой из шкафов, лимонной мастикой для пола и чуточку бергамотом из кабинета. Стены в нижнем коридоре украшали мамины акварели. Через год после папиной смерти я сняла их, готовя дом к продаже. Тогда я тщательно упаковала каждую картину в холщовый мешок, стараясь не расплакаться.

Сейчас они висели на своих местах.

Я остановилась перед дверью в мамину гостиную.

С минуту, наверное, я стояла, сжимая холодную бронзовую ручку. Внутри было тихо. Только слабо потрескивал камин, да изредка шелестела перевернутая страница.

Я нажала на ручку.

Папа сидел в мамином кресле у камина. Светло-русая голова склонилась над раскрытой книгой, очки сползли на самый кончик носа. На коленях лежал плед в клетку, который

я испортила в десять лет, пролив чернила. Его потом долго отстирывали, но темное пятно у бахромы так и осталось.

Сейчас оно было на месте.

— Дэйна? — Папа поднял голову, его веснушчатое лицо удивленно сморщилось. — Ты чего так рано? Случилось что-то?

Я закрыла за собой дверь, подошла ближе.

Просто опустилась на пол перед его креслом, обхватила его колени, уткнулась лицом в этот клетчатый плед, прямо в чернильное пятно, и держала, держала, не в силах отпустить.

— Дэйна? — Папина ладонь легла мне на макушку. — Девочка моя, что такое? Тебя кто-то обидел?

Я помотала головой, не отрываясь от пледа.

— Кто-то нагрубил на приеме?

— Нет, — выдавила я в шерсть.

— Клэйд?

Я снова замотала головой.

Папа замолчал. Его ладонь медленно гладила меня по волосам, а я чувствовала, как в груди набухает горячий ком. И когда он наконец прорвался, я заплакала так, как плакала разве что в детстве, в кровь расквасив колено о забор.

Папа гладил меня по голове и молчал.

Когда я наконец смогла дышать ровно, то подняла лицо. Он смотрел на меня сверху вниз, светлые брови были встревоженно сведены, а веснушки на переносице — в точности такие же, как у меня — проступили четче из-за волнения.

— Я просто соскучилась, — сказала я.

— Соскучилась.

— Да.

— Мы виделись утром.

— Я знаю.

Он посмотрел на меня еще пару мгновений, и в его зеленых глазах я увидела давно забытое выражение. Оно появлялось, когда в детстве я пыталась его обмануть, разбив чашку или тайком забравшись в его мастерскую.

— Дэйна, — мягко сказал он.

— Папа, со мной все хорошо. — Я взяла его ладонь, прижалась к ней щекой. — Честное слово. Я просто... на приеме была баронесса Жендаль, и она такая старенькая, и я подумала, какие мы все... как быстро все проходит. Подумала, что мы давно не ужинали вместе. Что я все время пропадаю в академии. А потом еще разболелась голова, и я сбежала.

Папа коротко усмехнулся.

— Старенькая баронесса Жендаль. — Он покачал головой. — Она всего на четыре года старше меня, барышня. Не стоит хоронить нас раньше срока.

Внутри у меня все скрутилось.

— Прости.

— Шучу. — Он стер слезы с моей щеки большим пальцем. — Ну, и хорошо, что ты приехала. Ты права, мы с тобой давно не сидели спокойно. Дирэл сейчас принесет чай?

— Я попросила два.

— Молодец. Поднимайся с пола, простудишься.

Я встала и отряхнула юбку. Папа жестом указал на кресло напротив — тоже мамино любимое. Я забралась в него, поджав под себя ноги, совсем как в детстве. Он даже не сделал мне замечания о приличиях, хотя должен был.

В дверь постучали.

Дирэл внес поднос с чаем, поставил на низкий столик между нами, разлил по чашкам. Сахарница, молочник, тонкие ломтики лимона. Накрыл салфеткой блюдо с печеньем, поклонился и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

— Ну, — сказал папа, помешивая ложкой чай, — что у вас с Клэйдом?

Я застыла с ложкой над чашкой.

Папа спрашивал так, между делом. Так, как спрашивают в ожидании дежурного ответа: «все хорошо», или «он сегодня был занят», или «мы поссорились из-за пустяка». Он спрашивал потому, что Клэйд ухаживал за мной уже полгода, все шло к помолвке, и отец считал, что все идет своим чередом.

В прошлый раз я бы ответила «все хорошо».

В прошлый раз я бы улыбнулась, размешала сахар, сделала глоток и сказала бы, что сегодня он был особенно мил, пересказав какую-нибудь глупую шутку. И папа бы кивнул, и поверил.

Сейчас я молчала, глядя на ломтик лимона, плавающий в чашке.

Если это прошлое, у меня есть выбор. Я могу просто обо-

рвать эти ухаживания. Завтра. Или послезавтра. Сказать папе, что передумала, что Клэйд мне больше не мил, что я хочу сосредоточиться на учебе. Папа не станет меня заставлять. Он никогда ни к чему меня не принуждал — ни в той жизни, ни в этой.

Но что дальше?

Клэйд просто найдет другую девочку с приданым. Возможно, ту же Алифанту. Она ему всегда нравилась — я осознала это лишь спустя годы по тому, как он провожал ее взглядом, думая, что я не вижу.

Я медленно опустила ложку.

Просто отказаться от него — мало. Этого недостаточно. Я хочу, чтобы он остался ровно с тем, с чем впервые пришел ко мне: с пустыми обещаниями родителей, тощим кошельком, без единого патента, без единого артефакта, без единой идеи в голове, которая стоила бы хоть медной монеты.

Алифанте я тоже кое-что готова устроить.

Пусть выходит за него. Пусть. Они отлично смотрятся вместе. Светлый мальчик и подружка с белой кожей. Пусть она чертит ему руны до седины, а он за глаза называет ее «пустоцветом», когда выяснится, что детей у них тоже не выходит. Ведь теперь я знала, что дело было не во мне.

Усмехнулась. Мой собственный муж был не готов отпустить рабыню, что так усердно трудится. Если бы родился ребенок, я бы уделяла время ему, а не работе.

Я подняла глаза на отца.

— Все нормально, — ответила я с улыбкой, сама удивляясь, насколько ровно прозвучал голос. — Просто я устала. На следующей неделе зачет по теории резонансов, готовлюсь. Потому и нервная.

— Зачет.

— Зачет, папа.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Два дня назад ты говорила, что зачет тебе не нужен, потому что Клэйд считает, будто будущей жене академическое образование ни к чему.

Слова кольнули куда-то под ребра.

Я и забыла.

Забыла, что уже озвучила отцу эту мысль. Что Клэйд успел вложить ее мне в голову еще до появления метки, задолго до того, как я начала пропускать занятия из-за «болезни». Он уже тогда работал над тем, чтобы я не сдала экзамены. Чтобы осталась без диплома. Чтобы все мои будущие разработки оформлялись на его имя.

Я медленно поставила чашку на блюдце.

— Я передумала, — твердо сказала я.

Папа вскинул брови.

— Я хочу сдать. Хочу диплом. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Папа, я хочу окончить академию. С отличием.

Несколько секунд он молча разглядывал меня.

Затем отложил книгу на подлокотник, снял очки, протер их полой домашней куртки и снова надел.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо, Дэйна.

— Ты не сердишься?

— На что? На то, что моя дочь решила пользоваться головой? — Папа фыркнул. — Я сердился на обратное. Просто не лез, потому что ты взрослая, и выбирать тебе.

В глазах снова предательски защипало.

— Завтра утром я поеду в академию, — пообещала я. — Подам прошение о допуске ко всем зачетам, которые пропустила. И сдам их.

— А Клэйду что скажешь?

Я задумалась на секунду.

— Скажу, что передумала.

— А он что скажет?

— А мне теперь все равно, что он скажет, папа.

Слова сорвались с языка раньше, чем я успела себя одернуть. Папа замер с чашкой у губ. Опустил ее обратно. Посмотрел на меня очень внимательно — тем самым взглядом, каким изучал бракованную руну, выискивая трещину в узоре.

— Дэйна, — медленно произнес он, — у вас с ним точно все в порядке?

Я набрала в грудь побольше воздуха.

И в этот момент метка на шее ожила снова. Медленно, тяжело, словно тлеющий уголь, который ра поворошили ко-чергой. Где-то в городе, в темном экипаже или у освещенного окна особняка, граф Араэдан Сайс думал о девушке, чей

запах уловил на балу. И эта мысль проникала в меня прямо через кожу.

Я прижала к ней ладонь, делая вид, будто поправляю тяжелую прядь волос.

— У нас все будет в порядке, папа, — сказала я. — Просто кое-что изменится. Совсем чуть-чуть.

Папа смотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Хорошо, — наконец согласился он и протянул руку через столик. — Договорились. «Совсем чуть-чуть».

Я вложила свою ладонь в его. Веснушки на наших запястьях были одинаковыми, словно кто-то аккуратно скопировал узор. Я вспомнила, как в мастерской у Авинталей перестала снимать перчатки, потому что не выносила смотреть на свои руки и видеть папины.

— Договорились.

Я допила чай. Папа снова взялся за книгу, а я еще какое-то время просто сидела в мамином кресле, поджав ноги и глядя на огонь.

Камин уютно потрескивал.

Где-то наверху горничная, наверное, уже расстелила мою постель. Завтра меня ждет серьезный разговор с преподавателям по резонансам, который через год напишет мне рекомендательное письмо в подмастерья к мастеру Хольгу. Письмо, которого я не получила в прошлой жизни, поверив Клэйдю, что мне это ни к чему.

Получу. И воспользуюсь.

Я лично скажу Хольгу спасибо. И возьму у него все знания, которые он успеет мне дать.

А Клэйд пусть локти кусает, глядя каких результатов я могу достичь.

Знаешь что, Клэйд? Не в этот раз!

Глава 2

Папа клевал носом над книгой к тому моменту, как часы в гостиной показали половину двенадцатого.

Я тихо встала с кресла, подошла, забрала у него очки, положила на столик, сверху рядом — закладку, чтобы он завтра нашел страницу. Папа что-то невнятно пробормотал во сне, мотнул головой и снова уронил подбородок на грудь.

Я наклонилась и поцеловала его в макушку.

От него пахло сладковатым воском, которым он покрывал готовые артефакты для блеска. Этот запах въелся в его руки, в одежду, в волосы.

Вышла в коридор, тихо притворив за собой дверь.

Дирэл с подносом уже поднимался по лестнице, неся вечерний чай. Я придержала его на повороте.

— Я еще немножко посижу в библиотеке, — соврала я. — Не дожидайся меня. И папу разбуди через полчаса, его опять сморило в кресле.

— Слушаюсь.

Он кивнул, и я еще раз посмотрела на него, невольно сравнивая с собственными воспоминаниями.

Свернула в боковой коридор, прошла мимо библиотеки, мимо столовой, мимо двери в кладовую и остановилась у узкой створки с почерневшей бронзовой ручкой. Папина мастерская.

Ключ я знала, где лежит. В третьей вазочке от стены, под слоем сушеной мяты, которой кухарка отгоняла моль. Мягко щелкнул замок.

Дверь открылась бесшумно, и в лицо мне дохнуло воздухом, по которому я скучала десять лет.

Воздух у артефактора пахнет странно. Это смесь раскаленного металла, перегоревшего масла, серы, можжевельового дыма и еще чего-то горьковато-сладкого, для чего у меня нет точного слова. Когда я была маленькой, думала, что так пахнет волшебство. Потом, в академии, мне объяснили, что это запах остаточной магической эманации, которая оседает на стенах и предметах за годы работы.

Все равно для меня это пахло волшебством.

Я закрыла за собой дверь и щелкнула выключателем у косяка. Под потолком зажглись три осветительные сферы, забранные в медные колпаки. Папины. Простые, надежные, без всяких финтифлюшек, на сорок лет работы каждая. Папа любил вещи, которые служат дольше своего хозяина.

Мастерская была меньше, чем я ее помнила.

Когда я переехала к Авинталям и обустроила лабораторию в задней половине дома, у меня была просторная комната с двумя окнами в сад, с длинным верстаком, с собственной формовочной печью. У папы все умещалось в камерке три на четыре шага, и при этом тут всегда находилось ровно то, что было нужно.

У дальней стены стоял рабочий стол, потертый по краю,

с прижогами от паяльной лампы, с врезанной в столешницу медной заземляющей пластиной, на которой папа разряжал готовые узлы. Над столом висела доска с инструментами: тонкие штихели, кисточки разной толщины, набор шил, лупа на гибком держателе, две пары пинцетов.

Слева к стене жался шкаф с прозрачными дверцами. За стеклом ровными рядами стояли склянки с порошками, флаконы с настоями, пузырьки с темной запечатанной жидкостью, мешочки с травами, перевязанные суровой ниткой. На каждой банке аккуратной папиной рукой было выведено название и дата сбора.

Я остановилась перед шкафом и смотрела на эти ярлычки.

Папа писал чернилами с легкой коричневинкой, неровно нажимая на «к», она у него всегда выходила с приподнятым хвостиком. Я узнала эту букву так, будто увидела родинку у себя на запястье. Через год после его смерти я открывала склянку с серебряной пылью, и у меня всякий раз подламывались ноги, потому что на крышечке стояло его «к».

Я мотнула головой.

Не сейчас. Сейчас это не имеет смысла, ведь отец жив, а значит, я смогу многое исправить.

Положила на стол листок бумаги, который захватила из библиотеки, обмакнула перо в чернильницу и медленно, аккуратно начала записывать.

Схему экранирующего узла я помнила наизусть, собирала его на собственной шее каждый день почти десять лет. Мог-

ла бы вырезать контур с завязанными глазами. Но руки все еще подрагивали от событий этого вечера, и я знала: если ошибусь хоть на миллиметр, глушилка не работает. Поэтому я писала.

«Основа — медь. Проводник — пыль серебра. Источник питания — корень мандрагоры, толченный, на кончике ножа. Изолятор — смола северной ели. Гаситель эманации — стружка железа со старой подковы, не более десяти крупинок. Стабилизатор поля — слеза василиска, одна капля».

На последнем слове я остановилась.

Слезы василиска у папы не было. Это вещество держали только в трех лавках на всю столицу, оно было дорогое, и в обычной артефакторской не требовалось. У меня оно завелось году на третьем, когда я начала делать сложные иллюзорные плетения для богатых дам.

Я постучала пером по краю чернильницы.

Без стабилизатора получится. Уже делала, в первые месяцы после появления метки, когда у меня тоже не было василисковой слезы. Просто экранирующее поле чуть «дышит». Артефакт накладывается на метку, гасит ее ровно, но если со мной происходит что-то резкое, какой-нибудь эмоциональный всплеск, или, скажем, ударюсь обо что-нибудь, контур может на короткое мгновение просесть. Метка проступит на полминуты, потом снова уйдет.

В обычной жизни такое незаметно. В обычной жизни рядом нет дракона, который ловит эманацию чутьем не хуже

гончей.

Я задумалась.

С другой стороны, до завтрашнего вечера я с графом Сайсом точно нигде не пересекусь. У меня академия, лекции, потом обязательно загляну в лавку Меерсона, у того точно есть василисковая слеза, я покупала там на пятом курсе. Один день я как-нибудь продержусь без стабилизатора. К тому же я планирую вообще ни с кем не сталкиваться эмоционально.

Решено.

Я отложила перо и принялась за дело.

Выдвинула ящик с заготовками. Нашла тонкую медную пластину, отрезала ножницами по металлу кружок размером с мелкую монету. Медь — лучший материал для отвода лишней энергии. Зажала заготовку в крошечные настольные тиски.

Сняла с доски самый тонкий штихель. Металл привычно лег в руку, и я быстрыми, заученными движениями начала вырезать на меди спираль Сокрытия. Стружка ложилась ровно. Закончив, я достала из шкафа папину склянку с серебряной пылью и аккуратно втерла ее в прорезанные бороздки, создавая проводящий контур.

Теперь заливка.

Взяла маленький фарфоровый тигель, положила туда катышек еловой смолы размером с горошину, поставила на спиртовку у окна и зажгла фитиль. Смола начала размягчаться, по краям пошел тонкий дымок.

Корень мандрагоры лежал в плоской деревянной корбочке, переложенный сухим мхом. Папа всегда хранил его именно так, говорил, что в стекле мандрагора «киснет». Я взяла кончиком ножа крошечную горку толченого корня и бросила в плавящуюся смолу.

Смесь в тигле тут же тихонько зашипела. Запахло свежей грозой, и я улыбнулась. Правильный запах. Живая мандрагора.

Пока изолятор доходил, я выдвинула нижний ящик стола.

Папа держал там всякую полезную мелочь. Обрывки старых цепочек. Пуговицы с износившихся ливрей. И в дальнем углу — обломок старой подковы, отдавший за свою жизнь не один десяток крупинок железной стружки. Железо отлично заземляло драконью магию.

Взяла мелкий напильник, прижала подкову к столешнице и пошоркала. Десять серых крупинок упали на лист бумаги. Ссыпала их прямо в кипящую смолу.

Оставалась привязка.

Взяла иглу из набора, кольнула подушечку безымянного пальца. Выступила капля крови, темно-вишневая в желтоватом свете сфер. Я стряхнула ее в тигель.

Смола тихонько вздохнула.

Поверхность подернулась радужной пленкой, потом успокоилась и приобрела густой, матово-черный цвет. Я подцепила горячий тигель пинцетом и осторожно вылила массу на медный кружок, прямо поверх серебряного узора. Смо-

ла легла ровной выпуклой каплей, намертво запечатав руну, и тут же начала твердеть, превращаясь в подобие гладкого черного камня.

Готово. Крошечный нательный глушитель.

Я выдохнула. Под мышками было мокро, волосы у висков прилипли. Даже не заметила, как взмокла за работой.

Выбрала из обрезков в нижнем ящике тонкий мягкий кожаный шнурок и продела его сквозь ушко, которое заранее оставила на медной пластине.

Над столом висело маленькое квадратное зеркало в простой деревянной раме. Я подошла, наклонилась.

В зеркале на меня смотрела восемнадцатилетняя девочка с растрепанной прической, с чуть припухшим от слез лицом, с веснушками, проступившими сильнее обычного из-за усталости. На шее, чуть ниже левого уха, темнел тонкий узор. Несколько переплетенных колец и в центре крошечный знак, похожий на свернувшегося в кольцо дракона.

Отвела ворот пониже. Обернула кожаный шнурок вокруг шеи так, чтобы плоская медная изнанка артефакта легла точно на центральный знак метки, и туго завязала концы под волосами.

Холодный металл коснулся кожи. От артефакта слабо пахло озоном.

И метка стала бледнеть.

Экранирующее поле заработало. Сначала пропали тонкие линии, потом утратили четкость кольца, затем размылся сам

центральный знак. Через десять секунд под кожей не осталось ровным счетом ничего. Только черный гладкий камушек на шнурке, похожий на простенькое девичье украшение.

Кожа стала ровной.

Я поправила артефакт и собрала вещи. Листок со схемой сожгла на месте. Медные обрезки убрала. Тигель вычистила. Штихель протерла и повесила на доску, в точности туда, где он висел.

Завтра папа не должен заметить, что в его мастерской хозйничали.

Свет погасила, ключ повернула, проверила, заперла ли. Дверь захлопнулась все так же тихо, и я постояла еще полминуты, прислушиваясь. В доме ни звука. Только где-то в конце коридора мерно постукивали часы.

Положила ключ обратно.

Поднялась по лестнице на цыпочках, придерживая подол, чтобы шелк не шуршал. Свернула в правое крыло, прошла мимо папиной двери, мимо детской, которая еще со времен моего раннего детства стояла нетронутой, мимо комнаты для гостей.

Моя дверь была последней.

Тихонько нажала на ручку.

В спальне горел только ночник у изголовья — маленький артефактный шарик в розовом стекле, мама когда-то заказала его на мой четвертый день рождения. С тех пор он перегорал дважды, и оба раза папа перебирал его сам, ставил но-

вый кристалл, и шарик снова светил.

Я закрыла за собой дверь и просто постояла, привалившись к ней спиной.

Комната у меня была небольшая, угловая. Два окна выходили в сад, одно на восток, второе на юг, и через них утром внутрь втекало столько света, что просыпаться было легко даже зимой. Стены оклеены светло-зелеными обоями в тонкую кремовую полоску, на них тут и там мамины акварели в простых деревянных рамах. Старая яблоня у нашего летнего домика. Овражек за поселком. Букет полевых ромашек, который мама писала, будучи беременной мной.

У стены напротив окна стояла кровать.

Простая, из светлого дерева, с тонко выточенными столбиками по углам. Над ней висел балдахин из льняного полотна, без всяких бахром, скромный. Постель была уже расстелена Варидой. На подушке белела накладка с моими инициалами, вышитыми зеленой нитью. «Д.М.» в углу. Это мама вышивала, когда мне было семь.

Запах.

Я закрыла глаза и просто дышала.

В спальне витал аромат лаванды из шкафов, чуть-чуть гуаши от маминых акварелей, лимонной мастики, которой натирали пол, и слабо-слабо — сухих лепестков шиповника из шкатулки у изголовья. И еще тот неуловимый запах теплого дерева и старой ткани, который есть в каждом доме, где люди живут долго, и который невозможно ни подделать, ни

забыть.

Подошла к шкатулке у кровати и открыла ее.

Сухие лепестки. Зачерпнула щепотку, поднесла к лицу, вдохнула. Пахло летом моих четырнадцати лет, когда папа возил меня в Лантисские холмы к старой тетке, и там цвели бескрайние поля шиповника.

Разделась тихо, без помощи Вариды, повесила бальное платье на спинку кресла, чтобы утром убрали. Корсет был зашнурован на спине, я долго возилась с лентами, вывернув руки, наконец стянула с себя эту штуку и швырнула на ковер. Дышать стало легко, как будто легкие расправились.

Натянула чистую льняную рубаху, ту, что лежала под подушкой, и забралась под одеяло.

Простыни были прохладные.

Свежие, выглаженные, чуть пахнущие крахмалом и лавандой. Я провела по ним ладонями, потом поджала ноги, свернулась клубочком. Подушка приняла голову, как будто всегда меня ждала. Я лежала, смотрела на розовый ночник и слушала, как где-то за окном в саду шумит листва, и как старая стропилина под крышей привычно поскрипывает.

Уснула почти мгновенно, без сновидений, проваливаясь в эту тишину, как в теплую воду.

Меня разбудил стук в дверь.

— Леди Дэйна, восьмой час!

Голос Вариды. Открыла глаза. За окном уже было полно нежного, утреннего, золотистого по верху штор света.

— Войди.

Дверь приоткрылась, Варида просочилась внутрь. Девчонка чуть постарше меня, рыжая, с россыпью веснушек по всему лицу, в чепце с криво пришитой кружевной оборкой. В одной руке она тащила медный кувшин с горячей водой, в другой — мою академическую форму на плечиках.

— Платье погладила утром, как просили, — затараторила она. — Воротничок вам новый накрахмалила, прежний обтрепался. Манжеты тоже свежие. Господин уже в столовой, говорит, не торопись, дочка, я газету читаю.

— Спасибо, Варида.

Я выскочила из постели, шлепнула босыми ногами по холодному полу. Горничная разлила воду в фаянсовый таз, разложила полотенце.

Умылась. Горячая вода обожгла лицо, прогнала остатки сна.

В зеркале мельком оглядела шею. Черный камушек артефакта плотно прилегал к коже. Метка не показывалась. Хорошо.

Платье академии я не надевала с двадцати лет. И вот стоило натянуть его через голову, как руки сами вспомнили, куда продеть. Темно-серая шерсть, длинный лиф, простая юбка до щиколоток, белые манжеты на узких рукавах, белый воротничок-стойка. Варида застегнула ряд пуговиц на спине, потом помогла собрать волосы в низкий узел, как требовали правила. Воротничок-стойка надежно закрывал шею и шну-

рок.

— У вас сегодня и так очень милый цвет лица, — заметила она, прикалывая последнюю шпильку. — Хорошо ли спалось?

— Очень.

— Это с приема вы такие. Госпожа баронесса Жендаль умеет принимать. Ох, мечта.

Я улыбнулась ей через зеркало. Через четыре года Варида выйдет замуж за сына нашего садовника, переедет с ним в деревню под Линсбрук и родит троих ребят. У них там будет маленький дом, и Варида, я знаю, переживет всех нас.

— Сумку мою из библиотеки прихватишь? — спросила я.
— Учебники там сложены.

— Я еще вчера приготовила. Стоит в прихожей.

— Умница.

Спустилась по лестнице, ведя ладонью по перилам. Дерево было гладким, отполированным годами прикосновений, и в одном месте, на втором повороте, я нащупала знакомую щербинку. В шесть лет я каталась по этим перилам на боку и зацепилась пряжкой передника.

В столовой меня уже ждал папа. Он сидел во главе стола, разворачивал «Столичный Вестник», и над его светлой головой курился парок от чашки чая. На тарелке лежали два тоста с маслом и ломоть холодной ветчины.

— Доброе утро, папа.

Я подошла, наклонилась, поцеловала его в щеку. Щека

была теплая, чисто выбритая, пахнувшая лимонной водой и тем самым папиным ароматом воска и табака.

— Доброе, девочка.

Он поднял глаза поверх газеты и улыбнулся.

Я села напротив. Дирэл бесшумно подал овсянку с медом и тарелочку с теплым свежеспеченным хлебом. Я обхватила ладонями чашку с чаем.

— Рассказать новость? — папа потряс газетой.

— Какую?

— Городская стража накрыла подпольную мастерскую. Артефакты-подделки, представляешь? Льют под наши клейма. — Папа фыркнул, перевернул лист. — Третий месяц их ловят. Главного зачинщика, пишут, схватили вчера ночью в портовом квартале. Какой-то Гедда Шторм. Шесть человек банды.

— Угу.

— Тебе неинтересно?

— Папа, мне нужно через час быть в академии. Думать ни о чем не могу, кроме как о том, что нужно договориться о пересдаче.

— Хорошо, хорошо. — Он рассмеялся, отложил газету, потянулся за маслом. — Старик увлекся. Ну, Расскажи лучше, как спалось?

Я улыбнулась в чай.

— Прекрасно, папа.

— Это хорошо.

Мы перебрасывались мелочами, я ела овсянку, а в голове уже бежали схемы. Теория резонансов — это даже не зачет, это смех. В памяти хранились формулы, до которых эти первокурсники доберутся года через два. Мой план — пройти по их программе с отличием.

Но свои настоящие разработки я буду делать дома, в собственной мастерской, и патентовать сама, на свое имя, через папиного нотариуса.

— О чем задумалась? — папа смотрел на меня с любопытством.

— О схеме связи трехконтурного резонатора, — соврала я.

— А.

Он опять уткнулся в газету.

Я доела, допила, встала.

— Я поехала.

— Карета подана?

— Сорен уже выкатил, — тут же отозвался Дирэл.

Папа поднялся и подошел ко мне. Я сразу поняла, для чего, и сама подставила лоб. Он чуть ворчливо, как делал всегда, наградил меня коротким, серьезным поцелуем и тут же отвернулся к окну.

— До вечера, — сказал он, не глядя.

— До вечера, — отозвалась я и шмыгнула в коридор, пока он не успел повернуться обратно.

В прихожей Варида уже держала мой плащ. Сумка из

плотной кожи стояла на сундуке, аккуратно набитая учебниками. Я накинулась, перехватила ремень через плечо и вышла на крыльцо.

Утро было серым.

Воздух пахнул сырым тротуарным камнем и осенней землей. Сорен уже сидел на козлах, лошади переступали по гравию.

— Доброго утречка, леди Дэйна.

— Доброго, Сорен.

Забралась в карету. Сорен щелкнул вожжами, и мы выехали из ворот.

В прошлой жизни я ездила этой дорогой каждый день, а потом этот маршрут пришлось забыть. После того, как Клэйд начал за мной ухаживать, он решил, что мне академическое образование не пригодится. И я, вместо того чтобы спорить, кивала, потому что мне было его жалко: он переживал, что я провожу слишком много времени с однокурсниками-мужчинами. Говорила себе, что это мило.

Сейчас я подъезжала к этим воротам с другим чувством.

Академия стояла в восточной части столицы, на холме, отгороженная от города высокой каменной оградой, поросшей плющом. За стеной виднелись остроконечные крыши учебных корпусов, серо-зеленая черепица, дымоходы, флюгер с фигуркой лебедя на главном здании. Лебедь когда-то был серебряным. К моему выпуску успел почернеть.

Карета остановилась.

Я сошла, поправила сумку. Главные ворота были чугунные, тяжелые, с гербом академии на створках: раскрытая книга и над ней — кристалл. Сейчас они были распахнуты, и студенты текли внутрь сплошным потоком. Серые форменные плащи, такие же, как у меня.

Я шагнула в этот поток.

Кто-то задел плечом, бросил «прошу прощения, леди», я кивнула, не глядя. Искала глазами здание, где могла найти мистера Берменуаса, преподавателя по резонансам. Северный корпус, второй этаж, аудитория двести четыре... вроде.

И тут на меня налетели сбоку.

— Дэйна!

Меня крутануло на месте, и я почти потеряла равновесие. Чьи-то руки обхватили за плечи, в нос ударил знакомый запах: фиалковая вода и чуть-чуть пудры. Едва удержала сумку.

— Дэйна, ты не представляешь, как я переживала! — Алифанта смотрела мне в лицо большими, обеспокоенными голубыми глазами, щеки розовели от утреннего холода. — Я вчера не спала! Ты сбежала, ничего толком не сказав, я с ума сходила. Уже к тебе домой собиралась ехать сразу с утра, и тут думаю, дай заверну в академию, вдруг...

Она тарахтела, держала меня за рукав, чуть встряхивала.

Я смотрела в ее лицо и сдерживала желание усмехнуться. Не собиралась она заезжать. В прошлый раз она этого не сделала.

Лицо было гладкое, чистое, искренне встревоженное. И мне на одно нехорошее мгновение захотелось ей поверить, но...

— Все хорошо, — сказала я, мягко высвобождая рукав. — Голова болела. Я приняла капли и уснула. Ничего страшного.

— Точно?

— Точно. Прости, что напугала.

Алифанта выдохнула, отступила на полшага, прижала ладошку к груди.

— Ну слава всем святым. Я вчера такого надумала, Дэйна, ты не представляешь. Я даже Клэйду сказала, что ты, наверное, заболела.

— Кстати о Клэйде, — начала я.

И в этот миг я услышала до боли знакомый голос.

— Доброе утро, дамы.

Таким же спокойным, чуть доброжелательным тоном через десять лет он скажет судьям: «Я давно подозревал, что моя супруга ведет себя странно, ваша честь».

Глава 3

— Доброе утро, Клэйд.

Я улыбнулась.

Точно так же, как улыбалась ему сотни раз: чуть мягко, чуть неуверенно, потому что в восемнадцать лет я еще робела перед человеком, в которого была влюблена. Эту улыбку я помнила хорошо. Долго потом отучала себя от нее перед зеркалом. Без особого успеха.

Клэйд стоял в двух шагах, чуть склонив голову набок. На нем был темно-синий сюртук, который ему пошили этим летом, с серебряной пряжкой на жилете и неброской заколкой в галстук. Длинные волнистые светлые волосы он разделил на пробор слева, и прядь падала на лоб ровно настолько, чтобы он мог эффектно откидывать ее тыльной стороной ладони. И она каждый раз падала обратно. Голубые глаза. Чуть прищуренные, доброжелательные.

Я смотрела на это лицо и видела два лица одновременно: то, что было перед глазами, и то, которое запомнила стоя на коленях перед плахой.

В висках застучало.

— Я волновался за тебя.

Голос у него был такой же мягкий, каким будет десять лет спустя. С чуть бархатистой ноткой на нижних звуках. Я раньше очень любила этот голос. Засыпала под него, попросив

Клэйда почитать мне вслух.

— Правда? — спросила я.

— Конечно, правда.

Он сделал шаг ко мне, потянулся забрать сумку с моего плеча. Я мягко отступила в сторону.

— Не стоит, она легкая.

Клэйд моргнул.

Его рука зависла на полпути и плавно опустилась. Алифанта переводила взгляд с него на меня, и в ее круглых голубых глазах мелькнуло легкое замешательство.

— Дэйна, — Клэйд понизил голос, — ты сегодня какая-то...

— Какая?

— Прохладная.

Я склонила голову набок, в точности повторяя его жест.

— Погода, наверное, действует. Поразительно, как осень умеет влиять на людей. Сегодня я даже надела теплый плащ, представляешь.

Клэйд несколько секунд смотрел на меня молча.

Потом улыбнулся той улыбкой, от которой у первокурсниц всегда подкашивались коленки. Открытой, чуть смущенной, очень обаятельной.

— Я заслужил, да? Прости. Я вчера должен был приехать к вам домой и проводить тебя до кареты перед приемом, а не торчать в академии с этим занудой Гольвиным. Всю ночь жалел об этом. А сегодня утром встретил Алифанту, и она

сказала, что тебе стало нехорошо на балу. Надо было плюнуть на тот разговор и приехать к тебе еще вечером.

Ах, плюнуть на разговор с Гольвиным.

— Гольвин, между прочим, заведует кафедрой прикладной артефакторики. А ты у нас как раз очень хочешь произвести на него впечатление. Я бы на твоём месте тоже не плюнула.

Алифанта тихонько хмыкнула.

Клэйд бросил на нее быстрый взгляд, и она тут же сделала такое лицо, будто ничего не слышала. Я разглядывала его внимательно. Этот короткий взгляд. Он у них был отработан. Раньше я думала, это случайность.

— Ты сердишься, — мягко констатировал Клэйд.

— Я веселюсь.

— Дэйна.

— Клэйд, мне правда некогда. — Я перехватила сумку поудобнее. — У меня дела на кафедре. Поговорим позже, в обед.

— Я провожу.

— Незачем.

— Дэйна, ну...

— У нас сейчас лекция, — напомнила я. — Тебя там ждут. А профессора у нас, как известно, выгоняют за опоздание даже на полминуты. Беги, Клэйд. Дай мне быть причиной твоих успехов, для разнообразия.

— Я с тобой пойду, — встряла Алифанта. — Куда тебе?

— Я одна справлюсь.

Я улыбнулась ей. Постаралась, чтобы улыбка вышла теплая, чтобы не вызывать лишних подозрений.

— Иди на занятия. Я догоню на лекции. И обещаю, что по дороге туда мои ноги не отвалятся. Академия большая, тут на каждом углу аптекарь и доктор. Выживу.

Алифанта вгляделась в мое лицо.

В ее голубых глазах мелькнула какая-то новая мысль, я ее не разобрала, и это меня неприятно резануло. Раньше я читала ее с полувзгляда. Сейчас Алифанта восемнадцати лет была мне понятна ровно настолько, насколько я успела рассмотреть ее за вчерашний вечер. То есть я ее почти не знала.

— Ну хорошо, — сказала она и отступила. — Только не пропадай.

— Конечно.

Клэйд напоследок взял мою ладонь, поднес к губам, легко коснулся тыльной стороны. Я почувствовала тепло его губ и подумала, какая же мягкая у него все-таки кожа, как у девушки. У него все было мягкое: голос, кожа, взгляд, прикосновения. Он умел быть мягким. Это был его инструмент. И, бог свидетель, владел он им виртуозно.

— Береги себя, родная.

— Куда ж я денусь.

Я осторожно высвободила ладонь, развернулась и пошла прочь по дорожке.

Кафедра прикладной артефакторики занимала первый

этаж западного корпуса. Я знала здесь каждую щербинку. На третьей ступени крыльца у меня в свое время отвалился каблук, и я тогда полдня ходила в одной туфле. На второй двери справа на меня однажды нацарапали неприличное слово, потому что я подняла одноклассницу на смех за неправильно сложенную руну. Через год я узнала, что эта одноклассница в первое же лето утопилась. Долго потом за это себя корила.

Сейчас я медленно поднялась по ступеням.

В коридоре пахло лаком и чернилами. Двери преподавательских кабинетов тянулись вдоль левой стены, на каждой висела латунная табличка. Я остановилась перед надписью: «Профессор Эстеф Магранс, теория резонансов и волновая магия».

Старичок Эстеф. Сухой, желчный, въедливый. У меня с ним всегда были отличные отношения, потому что я была единственная на курсе, кто его не боялся. И он это ценил.

Я постучала.

— Войдите.

Голос у Магранса был скрипучим и чуть капризным.

Толкнула дверь.

Кабинет был маленький, заставленный книжными шкафами от пола до потолка. Между ними едва втиснулся стол, заваленный раскрытыми тетрадями, рукописями и ворохом исписанных листов. Над столом висел старый портрет основателя кафедры, маэстро Веллана, с очень несимпатичной бородой клинышком. У окна стояло кресло с продавленным

сиденьем, в котором сейчас и сидел сам Магранс — сухой, длинный, с жидкими седыми волосами, зачесанными прядями через лысину, и в очках с такими тонкими дужками, что казалось, они вот-вот лопнут.

Он поднял на меня глаза поверх этих очков.

— Леди Мортим.

— Доброе утро, профессор.

— Доброе. — Он отложил перо. — Какая редкая удача увидеть вас в моем кабинете.

— Я пришла попросить о пересдаче.

Магранс приподнял брови.

Секунд пять он молча смотрел на меня. Потом тихонько хохотнул, скрипуче, по-стариковски, и постучал пером по краю чернильницы.

— Леди Мортим. Я тридцать четыре года в этой академии. Я слышал просьбы о пересдаче в самых разных видах. Под слезы, под угрозы, под обещания пожизненной преданности. Был даже случай, когда один второпоточник пытался шантажировать меня тем, что у него якобы есть мой портрет с молодой натурщицей. Но чтобы студентка, которая на прошлой неделе попросту до меня не дошла на зачет, явилась мне с покаянной физиономией и заявила, что готова к пересдаче...

— Я готова.

— Прямо так-таки и готова?

— Готова, профессор.

Магранс сощурился.

В его маленьких водянистых глазах за стеклышками очков мелькнул интерес. Он любил такие штуки. Любил, когда студент не сразу складывал лапки.

— И что же вас, голубушка, удержало от того, чтобы прийти в назначенный день?

— Самочувствие, — соврала я, даже не покраснев.

— А сейчас, стало быть, поправились.

— Сейчас я поняла, что причина моего самочувствия — это перспектива и дальше плохо себя чувствовать всю оставшуюся жизнь.

Магранс рассмеялся, поправляя сползающие очки.

— Хорошо. — Он положил перо, сцепил пальцы домиком. — Я допущу вас до пересдачи. С одним условием.

— Каким?

— Я задам вам пару вопросов по своему предмету прямо сейчас. Ответите — внесу в журнал. Уйдете молча — и наша с вами пересдача переедет на ту дальнюю весну, когда вы будете готовы уделить мне больше получаса.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Хорошо? — Он опять прищурился. — Без минуты на подумать, без отсрочки до завтра, без «дайте мне учебник полистать»?

— Спрашивайте, профессор.

Он смотрел на меня, по-моему, с легким недоумением.

— Извольте. — Магранс потянулся к столу, выхватил наугад какой-то лист, явно просто для эффекта. — Опишите мне, в самом общем виде, механизм паразитного резонанса в трехконтурной схеме при наложении внешнего возмущающего поля. И обозначьте, какими способами артефактор может предотвратить катастрофическое разрушение схемы.

Я открыла рот.

И в эту самую секунду метка под высоким воротом ожила. Тихонько, как тлеющий уголек, который кто-то ткнул носком сапога и сбил с него пепел. Я даже на мгновение задержала дыхание, не сразу поняв, что это.

Магранс ждал ответа.

Я набрала воздуха и начала.

— Паразитный резонанс возникает, когда внешнее поле совпадает по частоте с собственной частотой одного из контуров. В трехконтурной схеме это особенно опасно, потому что контуры связаны между собой через узлы стабилизации, и колебания одного контура передаются на остальные с усилением.

Я говорила ровно, по учебнику, который писал сам Магранс. В той жизни я прошла его со средним баллом, а потом, годами позже, в собственной мастерской у Авинталей, изучила вдоль и поперек, потому что без него у меня не получилось бы ни одного приличного артефакта.

Жар на шее усилился, словно кто-то нажимал на это место большим пальцем все настойчивее. И я вдруг очень четко

осознала: за моей спиной что-то происходит. Я не слышала, как открылась дверь, поклялась бы, что не слышала. Но в кабинете стало больше воздуха. И он был тяжелым.

Магранс кивал, не сводя с меня глаз. А затем его взгляд проскользнул мне за плечо.

И старик кивнул. Не мне.

— ...существует три основных способа предотвращения катастрофического сценария, — продолжала я, не давая голосу дрогнуть. — Первый — введение в схему демпфирующего узла, обычно на основе сплава меди и серебра с примесью драконита, способного гасить избыточную энергию за счет фазового сдвига. Второй — переход контуров на сопряженные частоты, при которых паразитный резонанс становится физически невозможен. Третий, наиболее изящный и при этом самый затратный, — установка контрфазового излучателя, который создает встречное колебание, гасящее внешнее возмущение еще на подходе к схеме.

Я закончила.

Металл глушилки на шее ощутимо нагрелся.

Оборачиваться я не стала. Просто заставила себя смотреть прямо в желтоватые глаза Магранса и улыбаться вежливой, чуть удивленной улыбкой, не понимая отчего профессор так долго молчит.

— Любопытно, — наконец вымолвил Магранс.

— Я надеялась на «верно», профессор.

— Верно. — Он покачал головой. — Заметно лучше, чем

я ждал от барышни, которая на лекциях у меня сидит ровно настолько, чтобы я успел запомнить ее лицо. Кто из ваших родных пересказывает вам мой курс на ночь, голубушка?

— Папа.

— Бертон Мортим. — Магранс хмыкнул. — Ну, ваш ба-
тюшка артефактор с именем, ему можно доверять. Допуще-
на.

— Спасибо, профессор.

— Передавайте поклон.

И он мгновенно потерял ко мне интерес.

Магранс отложил перо, поправил очки, поднял голову и
посмотрел поверх моего плеча. В его лице появилось выра-
жение, которое я раньше видела у него только перед очень
редкими гостями.

— Ваше сиятельство.

Я медленно повернулась.

Он стоял в трех шагах от меня, у самой двери. Я не по-
нимала, как такой большой человек мог пройти через всю
комнату и встать так близко без единого звука. На нем было
длинное черное пальто с поднятым воротником, темный ко-
стюм под ним. От него тянуло свежим утренним холодом и
свиридой, будто он только что сидел за очередным артефак-
том.

В нем было больше двух метров.

Я смотрела снизу вверх с ощущением из детства, когда
стоишь рядом с очень крупной собакой: она держит свои ин-

стинкты под контролем и требует за это уважения.

Черные волосы сегодня были собраны ниже, в гладкий хвост у затылка, пара прядей выбилась у виска, ложаась вдоль линии скулы. Резкие скулы, узкое лицо, прямой тонкий нос, темные брови, тяжелые веки. Кожа смуглая, чуть оливковая. Губы плотно сжаты, без выражения — словно он не привык растрачиваться на улыбки.

И глаза.

Они были золотыми. Не «карими с золотыми крапинками», не «теплого медового оттенка», а по-настоящему золотыми. Ровный густой металл, в котором двигался тонкий черный зрачок. У обычного человека такие глаза бывают разве что на портретах с подкрашенной кистью. У дракона в человеческой форме они бывают всегда. И если он не прячет их за иллюзией, значит, ему абсолютно все равно, что о нем подумают.

В прошлой жизни я виделась с графом всего пару раз, на редких столичных приемах. Позже мы стали прямыми конкурентами, и Клэйд всегда откровенно ликовал, когда моя очередная разработка помогала нам обставить Сайса на рынке. На тех приемах дракон смотрел на меня в точности так же, как сейчас. Тяжело, немигающе. Словно желал перекинуть через плечо, утащить в свою мастерскую, посадить на цепь и заставить мастерить только для него до самой смерти.

Я до одури боялась этого взгляда. А в тот единственный раз, когда он подошел и заговорил со мной, я ощутила такую

первобытную опасность, что у меня перехватило дыхание.

Мой страх умело подогревал Клэйд. Он постоянно рассказывал о графе жуткие подробности. Говорил, что Сайс берет в подмастерья талантливых адептов и заставляет их работать на износ, выжимая до капли. И ведь я помнила, что он действительно забрал одного артефактора из академии — как раз в тот самый месяц, который я просидела дома, пряча вскрывшуюся метку. Самое интересное, что ни Клэйд, ни Алифанта мне об этом тогда так и не рассказали. Все подробности я узнала гораздо позже от Камриты, девчонки с нашего потока.

Я мысленно, очень горько усмехнулась, не отводя глаз от графа.

Какая злая, нелепая ирония. Я так панически боялась, что дракон посадит меня на цепь, что в итоге сама радостно надела на себя ошейник и вложила поводок в руки собственному мужу.

Граф смотрел на меня.

Вернее, на мое горло.

Метка под артефактом коротко стянулась, как будто меня осторожно потянули за невидимую нить.

— Профессор Магранс. — Голос у него был ровный, низкий, без интонаций. — Я к вам по поводу нашей договоренности.

— Конечно, конечно. — Магранс уже разворачивал какойто свиток, заметно засуетившись. — Я полагал, вы будете ближе к полудню.

— Я освободился раньше.

— Прекрасно. Леди Мортим, — Магранс перевел взгляд на меня, — лекции вот-вот начнутся.

Я кивнула.

Заставив себя двигаться медленно, чтобы это не выглядело как побег, я склонила голову перед мужчиной. Очень коротко. Как кланяется незнакомому графу любая воспитанная барышня, без лишних вольностей.

— Ваше сиятельство.

Он так же медленно наклонил голову в ответ.

Ничего не сказал. И не отвел взгляд.

Когда я поравнялась с ним, он чуть подался назад. Совсем немного, на полшага, скорее как жест вежливости. И я уловила, как он коротко, почти беззвучно, втянул носом воздух.

Этого мне хватило.

Я выскользнула в коридор и прикрыла за собой дверь. И почти побежала.

Ну, не побежала, конечно. Воспитанная леди шагает по коридорам академии степенно. Я просто пошла очень быстро, придерживая сумку и стараясь, чтобы каблуки стучали не громче обычного. Метка на шее тлеет, и я знала, что иллюзия от артефакта сейчас держится на честном слове. Чуть тряхни меня, задень плечом, споткнись я — и тонкая защита может дрогнуть.

Только не сейчас. Только не сейчас.

Свернула на боковую лестницу, поднялась через два про-

лета, прошла галерею, спустилась обратно, вышла во внутренний двор. И лишь минут через шесть жжение стихло.

Остановившись у фонтана в центре двора, я оперлась ладонью о холодный мрамор.

Воздух медленно возвращался в легкие.

Боже, он же не почувствовал, да? Только не это! Если узнает, что на мне его метка, даже разрешения спрашивать не станет. Когда вообще драконы интересовались мнением своих истинных? По всему свету только и слышно, как нашел, забрал, женился и прячет от всего мира.

Выпрямившись, я зашагала дальше. Аудитория двести четыре, второй этаж западного корпуса. Лекция Эйрмы по основам формообразующих рун.

Я ввалилась в аудиторию ровно в тот момент, когда профессор Эйрма разворачивал свиток для записи на доске.

Алифанта сидела на нашем обычном месте, во втором ряду у окна. Увидев меня, она помахала рукой и убрала сумку с соседнего стула. Я опустилась рядом и тихонько выдохнула.

— Ты где была? — зашептала Алифанта.

Я открыла было рот. И прикусила язык.

В прошлой жизни я бы выложила ей всё. И про кафедру Магранса, и про то, что хочу пересдать зачет и дойти до диплома, и про то, что в принципе намерена изменить свою жизнь. И тогда же, в прошлой жизни, на следующем перерыве Клэйд узнал бы об этом разговоре в мельчайших подробностях. В обед он бы улыбнулся своей мягкой улыбкой и ска-

зал: «Дэйна, родная, я поддержу любое твое решение, но... ты подумала, как это выглядит со стороны? Ты вдруг рвешь старые договоренности, мечешься. Скажут, что ты ветреная. Да и моя матушка очень расстроится».

И я бы кивнула. И тихонько завалила бы все экзамены.

Сейчас я смотрела в большие голубые глаза подруги и видела в них доверчивость и ласковую тревогу.

— Зацепилась плащом за дверную ручку в восточном коридоре, — ровно сказала я. — Пока отцепляла, порвала подол. Пришлось бежать в женскую комнату и закалывать булавкой.

— Ох. — Алифанта сочувственно сморщила носик. — Сильно порвала?

— Не смертельно. На вечер хватит, а дома Варида зашьет.

— У тебя сегодня день-катастрофа.

— И не говори.

Алифанта посмотрела на меня внимательно, хмыкнула, мотнула головой, но расспрашивать больше не стала.

— Дамы и господа, — начал профессор Эйрма с кафедры, поглаживая лысину. — Сегодня мы поговорим о фундаментальных закономерностях формообразующих рун. Многие из вас полагают, что выбор формы диктуется исключительно эстетикой и традицией. Это глубоко ошибочное представление.

Я открыла тетрадь, обмакнула перо.

Эйрма читал курс, который был мне знаком. Я владела им

как родным языком. Здесь было все то, чем я промышляла долгие годы. И один метод из этого курса я любила особенно.

«Метод обратного прочерчивания».

Штука, в общем, простая как напильник. Если у тебя есть чужой артефакт, и ты хочешь узнать его устройство, вскрывать его не обязательно. Достаточно нанести на поверхность тонкий слой особого восково-смолистого состава и пропустить легчайший импульс. Состав проявится тенью, повторяя внутренние линии руны. Как если потереть карандашом по бумаге, под которой лежит монетка.

В прошлой жизни я применяла этот метод сотни раз.

Изучала чужие патенты, доводила до ума свои. И однажды, в самом начале работы с Клэйдом, обратным прочерчиванием проверила артефактный кулон, подаренный ему старшим другом. Внутри обнаружилась крошечная закладка — тонкое плетение, позволявшее создателю подслушивать разговоры вокруг владельца. Я отнесла кулон обратно Клэйд, а он сказал, что эта вещь незапатентована и они могли бы украсть разработку. Я долго сопротивлялась, мы много спорили и в итоге он уговорил меня это сделать. В итоге рынок этими вещами заполонило, а я еще долго корила себя за слабость.

Я провела пером по бумаге, выводя ровным почерком: «Профессор Эйрма. Пространственные искажения рунических форм».

А на полях, мелко, для себя добавила: «Метод обратного

прочерчивания. Состав: пчелиный воск, ладан, серебряная пудра, желточная эмульсия. Активатор — слабый разрядный импульс, не выше трех лафер от единицы. Применимость: артефакты первого-третьего уровня сложности».

— ...запомните, друзья мои, при построении многоуровневых схем форма руны определяет не «как красиво», а точные векторы сброса энергии. Каждый скрытый изгиб — это направляющий канал. Каждый перекресток — узел распределения. Каждая точка — место накопления потенциала. И если кто-то из вас забыл эту базовую истину с первого курса, то на защите диплома весной вам делать нечего.

Я кивнула своей тетради, делая вид, что соглашаюсь.

Алифанта рядом увлеченно строчила. Почерк у нее был мелкий, бисерный — такие обычно нравятся преподавателям, потому что выглядят прилежно. Я покосилась на нее. Она прикусила кончик пера, лицо сосредоточенное, а в уголке рта застряла капелька чернил.

Раньше я бы потянулась и аккуратно стерла эту каплю пальцем. А она бы рассмеялась и сказала: «Ой, что бы я без тебя делала».

Сейчас я отвернулась.

— Дэйна?

— Что?

— У тебя глаза какие-то...

— Какие?

— Тяжелые.

Я посмотрела на нее, мягко улыбнувшись.

— Я же говорила, день тяжелый. Голова болит. Перестану хмуриться к перерыву, обещаю.

— Может, тебе лучше домой?

— И пропустить лекцию Эйрмы? — Я приподняла бровь.

— Ни за что. Это слишком интересно.

— Это да. — Она улыбнулась. — Ну хоть на обед сходим вместе с Клэйдом, ладно?

— Посмотрим, как будет с головой.

Алифанта пожала плечами и вернулась к записям.

Эйрма закончил минута в минуту, поклонился и собрал свитки. Студенты загудели, заскрипели стульями. Алифанта потянулась к моей сумке.

— Идем на следующую?

— Мне нужно занести пустые бланки в канцелярию. Магранс утром сунул, забыла отдать.

— Я с тобой.

— Алифанта, — я снова улыбнулась, — там у секретаря всегда толпа, я тебя только задержу. Опоздаешь в свою аудиторию.

В ее глазах застыло изумление, потому что мы с ней были не разлей вода, а тут я избегаю ее. Но я не дала ей шанса меня задержать — кивнула на ходу и первой вышла в коридор.

В канцелярию я, конечно, не пошла.

Свернула в противоположное крыло, поднялась на третий этаж западного корпуса, в аудиторию триста двенадцать. Че-

рез четверть часа там начиналась лекция по основам алхимического анализа. Это был чужой поток, и я точно знала, что в аудиторию триста двенадцать нога Клэйда Авинталя никогда не ступала и не ступит: профессор Кааг два года назад прилюдно назвал его «дилетантом с амбициями», и с тех пор Клэйд обходил его за версту.

Я заняла место в дальнем углу.

Из окна был виден внутренний двор с фонтаном. Пустой, только дворник неспешно сгребал листья.

Аудитория постепенно наполнялась. Адепты заходили по двое, по трое. Лица все знакомые, я их помнила. Внутри даже сжалось, когда вошел Тейво Сланн — адепт с параллельного потока, который через три года женится на дочери своего профессора и уедет в провинцию. Видимо, пришел отрабатывать пропуски. Тейво кивнул мне и сел через два ряда.

Профессор Кааг вошел ровно по расписанию.

Сухой, рыжеватый, в круглых очках и с тонкими усиками. На лацкане его сюртука всегда красовалось свежее пятнышко от реактива, сегодня — голубое.

— Доброе утро, господа. Откройте тетради. Тема: классификация активных эссенций по типу взаимодействия с органическими тканями. Прошу не отвлекаться. Материал объемный, повторять не буду.

И в эту секунду в дверь постучали.

Два удара. Но такие, что Кааг осекся на полуслове и вскинул голову.

Я к этому моменту уже сидела неестественно прямо.

Я знала, кто там. Еще не поняла головой, но метка уже горела.

Дверь открылась, и он перешагнул порог.

— Прошу прощения за вторжение, профессор.

Он говорил с порога и в его голосе не было и капли сожаления. Пальто он не снял. Шагнул внутрь, и под его тяжестью коротко скрипнул старый паркет.

— Ваше... ваше сиятельство?

Кааг закашлялся, нервно поправляя очки.

— Я займу у вас не больше минуты. — Граф Сайс повернулся к аудитории, и у меня во рту пересохло. — Если позволите.

— Конечно, конечно. Господа адепты, прошу внимания.

Я опустила глаза в тетрадь.

И тут же подняла. Прятать лицо сейчас было бы странно.

Он стоял у кафедры. Свет из окна падал сбоку, делая его глаза еще ярче. В этом свете я заметила на его правом виске тонкий бледный шрам, которого не заметила ранее.

— Дамы и господа. — Он говорил негромко, но его было слышно даже на последнем ряду. — Меня зовут Араэдан Сайс. Я владелец мастерских в промышленной части столицы. Моя фабрика занимается разработкой и производством сложных артефактов второго и третьего уровня для нужд короны и частных заказчиков. Сегодня я здесь по простой причине. Я ищу талантливого артефактора среди тех, кому

в ближайшие год-два предстоит получить диплом этой академии.

В аудитории повисла абсолютная тишина.

— Я предлагаю практику в моих мастерских. — Он медленно обвел взглядом ряды. — На условиях, заметно превышающих всё, что обычно предлагают выпускникам. Я ищу голову, а не просто прилежные руки. Возможно, я не найду ее здесь. А возможно, найду. Желаящие могут прийти в мою городскую контору в течение ближайших двух недель.

Он сделал короткую паузу.

— Я лично побеседую с каждым.

Произнеся это, он медленно скользнул взглядом по аудитории. Слева направо, ряд за рядом. Я смотрела, как этот золотой взгляд приближается ко мне, считала про себя: «один, два, три»... и думала лишь о том, как же тонко работает глушилка на моей шее, и как горячо раскалилась чертова метка.

Его глаза остановились на моих.

Глава 4

Я торопливо отвела глаза, уставившись на въевшееся чернильное пятно на деревянном краю парты. Это крошечное аккуратное пятнышко оставил кто-то из адептов, а я сейчас цеплялась за него ради собственного спасения.

Мужчина продолжал сверлить меня взглядом. Боковым зрением я ловила его застывшую фигуру, ожидая, что он вот-вот отвернется и уйдет, однако он оставался на месте и просто смотрел.

— Леди Мортим.

Его голос прозвучал заметно тише предыдущей речи перед аудиторией. Я медленно подняла голову, ощущая короткую вспышку метки под глушилкой. Боль резанула кожу, напоминая скольжение острого ногтя по натянутой струне. Я едва удержала ледяное выражение лица. Краем глаза я уловила, как удивленно обернулся Тейво Сланн через два ряда впереди, а профессор Кааг просто замер с приоткрытым ртом.

— Ваше сиятельство?

— Я желаю пригласить на собеседование и вас тоже.

Слова прозвучали приглушенно, очень расслабленно. Тон графа создавал иллюзию нашего уединения в тихом кабинете, вдали от тридцати пар ушей остальных адептов.

Я судорожно втянула воздух. Ситуация казалась абсурд-

ной, я отчаянно пыталась найти причину столь личного приглашения обычной адепки в закрытые мастерские. Ответ пришел мгновенно. Магранс. Этот человек стоял у меня за спиной во время моего ответа про паразитный резонанс, слушая терминологию уровня мастеров гильдии от простой ученицы. Он определенно заинтересовался, расспросил Магранса, а тот выложил всю правду о моих познаниях.

Деревянный держатель пера жалобно скрипнул в моих внезапно вспотевших пальцах. Любая попытка заговорить грозила обернуться жалкой хрипотой. Метка пылала, нагревая металл глушилки до температуры горячего чая, и этот жар легко проникал сквозь плотное кружево воротника. Малейшая ошибка в интонации грозила разрушить кропотливо выстроенную иллюзию.

Я ответила простым кивком.

Единственный медленный наклон головы получился бесконечно далеким от задуманного образа. В моих планах было изобразить смущенную восемнадцатилетнюю девочку с опущенными ресницами, однако тело само выдало царственный жест столичной дамы, разрешающей младшему родственнику подать экипаж. Движение вышло спокойным, снисходительным, полным совершенно лишнего сейчас достоинства.

В наступившей тишине аудитории раздался чей-то тихий смешок.

Граф Сайс изучал меня еще одну долгую секунду, прежде

чем уголок его губ дрогнул в странной кривой полуухмылке человека, оценившего чужую издевку в малознакомой компании. Он точно так же издевательски медленно склонил голову, а я ощутила как вспыхивают мои щеки.

— Тогда я буду ждать, леди Мортим.

Завершив наш диалог, он повернулся к Каагу, коротко поблагодарил за уделенное время и направился к выходу. Под его весом скрипнул старый паркет, и тяжелая створка закрылась за ним на удивление тихо.

Мое перо с громким стуком сорвалось в чернильницу. Темные капли брызнули на светлую манжету, заставив меня разглядывать это пятно с фанатичным интересом биолога, открывшего новый вид насекомого. По аудитории прокатилась волна шепотков, adeпты активно переглядывались, кто-то сзади возбужденно толкнул соседа в плечо.

— Господа adeпты, — голос Каага прозвучал хрипло, удивляя самого профессора. — Это поистине потрясающее предложение. Я настоятельно рекомендую всем обладателям таланта к серьезной артефакторике воспользоваться выпавшим шансом. Граф Сайс посещает академию исключительно по важным делам. По моим личным сведениям, его фабрика год назад выпустила стабилизатор для городского водопровода, который на голову превосходит разработки конкурентов. Место подмастерья в его лаборатории гарантирует прямую дорогу в большую науку.

Профессор Кааг крайне редко разбрасывался комплимен-

тами ради красного слова.

Я медленно выудила перо из стекла, насухо вытерла металл о тряпочку и тщательно расправила измятый уголок тетради.

Кааг испытывал к графу глубочайшее, неподдельное уважение. Суровый Магранс, которого вообще было сложно удивить, ранее в кабинете отвесил ему полный признания поклон, предназначенный исключительно для людей выдающегося ума.

Прошлая жизнь приучила меня считать Сайса чудовищем.

Эти мысли заботливо вкладывал в мою голову Клэйд во время каждого совместного ужина или утреннего чтения газет. Он постоянно рассказывал истории про похищенных в подмастерья бедных мальчиков, доведенных до больничной койки работниц и закованных в подвалах опальных адептов. Я тогда смеялась над сказками про цепи, однако искренне верила в больничную койку.

А теперь я вспоминала поклон Магранса, скупого даже на дежурный кивок студенту. И вспоминала отца. Я отложила перо в сторону.

Именно графу Сайсу отец продал свои артефакторские лавки, когда серьезно заболел. Память услужливо подкинула визит к нотариусу, тяжелое дыхание отца, подписавшего бумаги о передаче всех помещений Араэдану Сайсу за полную стоимость единовременным платежом. Тогда личность по-

купателя волновала меня меньше всего, главным было получить деньги, которые он собирался оставить мне после смерти. Мои уговоры оставить лавки он не слушал. Будто знал, что они все равно пойдут в бизнес Клэйда. Так бы и случилось.

Отец принципиально вел дела только с кристально честными людьми. В свое время он отказал двум влиятельнейшим домам из-за малейших подозрений в подделке клейм. Он предпочел бы пустить бизнес по ветру вместо оформления бумаг на подлеца. Следовательно, отец знал графа Сайса и полностью доверял ему дело всей своей жизни.

Я подперла щеку ладонью, вглядываясь в оконное стекло.

Почему раньше я пропускала эту информацию мимо своего сознания?

Этот вопрос я проясню с отцом сегодня же за ужином. Случайно упомяну визит графа в академию и внимательно прослежу за реакцией. Папа всегда говорит правду, его лицо мгновенно выдаст истинное положение дел.

— Леди Мортим? — голос Каага вырвал меня из размышлений. — Вы присутствуете на занятии?

— Безусловно, профессор.

— Тогда возвращаемся к классификации. Активные эссенции делятся на четыре основные группы по характеру воздействия...

Я перевернула лист на чистую страницу, выведя первые несколько строк убористого текста. До самого конца лек-

ции я старательно конспектировала каждое слово ради спасительного занятия для дрожащих рук. Сразу после финальной фразы Каага я первой собрала сумку и вышла в коридор.

Мне требовалось кровь из носа успеть в лавку Меерсона до пяти часов вечера. Стрелки показывали около двух, час занимала дорога по столице, оставляя отличный запас времени. Наличие слезы василиска у Меерсона я помнила еще по покупкам в той жизни. Сегодня вечером я добавлю каплю в раствор, перезалью камень и добьюсь стабильности иллюзии.

— Дэйна!

Резкий оклик Алифанты заставил меня обернуться. Подруга шла через коридор быстрым шагом, крепко прижимая к груди свою сумку. Ее выражение лица мгновенно насторожило меня.

Внешне это была прежняя румяная блондинка с большими голубыми глазами, однако сейчас в этих глазах было что-то не то. В прошлой жизни Клэйд смотрел на меня точно так же, когда скрывал что-то важное.

— Куда ты пропала? — спросила она, тяжело дыша. — Я ждала тебя у канцелярии! Ты обещала занести бланки и вернуться, однако нарушила слово. Я даже у секретаря проверила, заходила ли ты.

Мой внутренний голос восхищенно присвистнул. Алифанта меня буквально выслеживала.

— Задержалась по пути, — моя улыбка вышла чуть кри-

воватой. — Я спокойно шла с бланками, пока на меня буквально налетел профессор Юст.

— Сам Юст?

— Именно он. Попросил помочь в малой лаборатории с забарахлившим перед практикумом прибором. — Я почти не соврала, такое событие действительно было, но в прошлой жизни оно случилось гораздо позже. — Обычно я отказываю в таких случаях, однако все мы помним силу расстройства Юста из-за технических поломок.

— Профессор Юст обратился к тебе за помощью?

— Сама в шоке.

Я легко пожала плечами, демонстрируя равнодушие.

— Видимо, я удачно подвернулась под руку. Полчаса возни с откликом второго контура решили проблему, иначе он отменил бы лабораторную работу.

— Дэйна, ты настоящее чудо.

Алифанта посмотрела на меня с проблеском теплоты.

— Ты огромная молодец. Такая задача превосходила мои скромные знания.

— С перспективой завалить предмет ты разобралась бы в два счета.

Она звонко рассмеялась. Мы пошли вдоль коридора плечом к плечу, периодически обмениваясь короткими оценивающими взглядами под видом дружеского внимания.

— Послушай, — Алифанта крепко взяла меня под руку. — Давай погуляем сегодня в парке у моста. Вечерами там

уже зажигают фонарики. Я заодно куплю маме чай у Тенрау, а ты выложишь все подробности вашей вчерашней встречи с Клэйдом.

— Перенесем на завтра.

— По какой причине?

— Папа ждет меня к ужину, — я продолжала держать улыбку. — Вчерашнее обещание вернуться сразу после занятий обязывает. Он сильно скучает по нашим долгим посиделкам, мне будет откровенно стыдно отменять встречу второй раз. Плюс по дороге нужно заскочить в пару мест.

— Куда именно?

— Забрать заказ для отцовской мастерской.

— С каких пор ты разбираешься в его заказах?

— Слуга, который занимается этим вопрос захворал, а мне не сложно, — я пожала плечами.

— Понятно.

Подруга стрельнула в меня боковым взглядом, явно сомневаясь в правдивости моих слов.

— Дамы.

Голос Клэйда раздался сбоку, теплый и обволакивающий. Он подошел со стороны Алифанты, легко, пружиняще, как человек, абсолютно уверенный, что ему здесь рады.

— Рада встрече, Клэйд, — произнесла я ровным тоном.

— Я как раз планировал предложить совместную прогулку, — его губы растянулись в мягкой улыбке. — У моста уже зажигают фонарики. Алифанта говорила, что там сейчас чу-

десно.

Я перевела взгляд с одного на другую. Клэйд — само воплощение заботливого кавалера. Алифанта, чьи щеки едва заметно порозовели от его внезапного появления. Они еще сами не осознавали, насколько идеально подходят друг другу. Подруга пока даже себе не признавалась в этой симпатии, старательно играя роль преданной наперсницы, а Клэйд просто льстили ее восхищенные взгляды. Зачем ждать десять лет, если можно подтолкнуть их прямо сейчас?

Я заставила себя сохранить мягкое выражение лица.

— Мы с Алифантой уже успели обсудить планы на вечер. Я проведу время с отцом за семейным ужином.

— Очень жаль.

— Согласна, — кивнула я.

Повисла короткая пауза. Мы сделали несколько шагов под гулкие удары каблуков, пока в моей голове рождалась идея идеальной проверки.

— Клэйд, — мой голос сочился лаской. — Отправляйтесь на прогулку вдвоем с Алифантой.

Они замерли одновременно. Клэйд инстинктивно отшатнулся назад, а подруга вросла в пол, словно наткнувшись на прозрачную стену. Их взгляды скрестились всего на долю секунды, выдав всё: судорожный обмен мыслями, поспешное отведение глаз, вспыхнувший на скулах Алифанты багровый румянец и нервно дернувшуюся левую бровь парня, за которого прошлая я еще вчера собиралась замуж.

— Вдвоем? — хрипло переспросил он.

— Именно вдвоем.

— Это довольно...

— Довольно что? — я изобразила крайнюю степень наивности. — Вы прекрасные друзья. Мы постоянно гуляем втроем, количество участников совершенно вторично. Моя совесть останется чиста, ведь я сохранию ваш вечер.

Алифанта выдавила из себя откровенно жалкую, перекошенную улыбку.

— Брось, Дэйна, — пробормотала она. — С тобой нам куда радостнее.

Конечно, радостнее. Особенно во время прошлых прогулок, под их бесконечный обмен остротами и взрывы хохота. Я тогда плелась на полшага позади, послушно кивая на брошенные через плечо реплики и выдавая дежурные улыбки. Раньше я видела в этом проявление заботы Клэйда о моей лучшей подруге, а ее веселье списывала на попытки отвлечь его от тяжелой учебы, ведь она ему действительно сложно давалась, несмотря на его попытки лезть из кожи вон.

Губы сами собой растянулись в понимающей усмешке.

— Я уверена в вашем прекрасном времяпрепровождении. Клэйд, ты сам настаивал на необходимости поддержать Алифанту после инцидента с ее тетушкой. Отличный повод проявить участие, — я перевела веселый взгляд на подругу. — Утром жду подробный рассказ.

Клэйд открыл рот, судорожно глотая воздух, и снова за-

крыл его. Я плавным жестом подняла руку, поправляя прическу, и одновременно выскользнула из-под его локтя на шаг назад.

— До завтра.

— Дэйна...

— Увидимся завтра, Клэйд.

Я вежливо кивнула обоим, резко развернулась на каблуках и направилась к выходу. Ответом стала глухая тишина. Они молчали добрых полминуты, переваривая случившееся. Лишь у самых дверей гардеробной меня нагнал приглушенный смешок Алифанты и ровный баритон человека, оказавшегося моим палачом.

Услужливая гардеробщица подала мне плотный плащ. Застегнув пуговицы, я перехватила ремешок сумки и вышла на крыльцо. Погода хмурилась, ветер гнал по небу тяжелые серые облака. Вдали у ворот стояли в ожидании наемные экипажи.

Я подняла руку, подзывая ближайшую карету с потемневшим от времени деревянным кузовом. Возница, щуплый мужичок в надвинутой на глаза кепке, проворно спрыгнул с козел и отворил дверцу.

— Эссертова улица, — бросила я, забираясь в салон. — Лавка аптекаря Меерсона.

— Слушаюсь, леди.

Я резким движением задернула плотную штору. В полумраке салона легкие наконец-то наполнились воздухом до

самого предела, плечи бессильно опустились. Жжение метки под металлом глушилки полностью прекратилось. Смесь запахов старой кожи сидений и лошадиного пота казалась сейчас лучшим ароматом во всем мире.

Экипаж мерно покачивался на булыжниках знакомых улиц. Я бездумно наблюдала за пробуждением столицы после полуденного зноя. Улицы заполнялись бегущими служанками с плетеными корзинами и суетливыми посыльными в синих фуражках. На ближайшем перекрестке крупная женщина в темном платке выкладывала горки яблок под жестяным значком ремесленной гильдии, гарантирующим загородное происхождение товара.

Спустя час колеса загромыхали по камням Эссертовой улицы.

Это место представляло собой образец тесной застройки старого города, где нависающие вторые этажи практически терлись кирпичными лбами. Район принадлежал мелкому ремесленному люду: алхимикам, аптекарям, мастерам-стеклодувам, переплетчикам, паре гадалок и одному древнему часовщику. Фасады украшали потемневшие от времени медные цеховые знаки. Воздух пропитался густым ароматом прокопченного дерева, сырой штукатурки и развешанных прямо под крышами пучков сушеных трав.

Возница натянул поводья в самом начале квартала из-за крайней тесноты, блокирующей проезд экипажа.

— Ожидаю вас на этом месте.

— Я вернусь буквально через пару минут.

Я спрыгнула на мостовую, высоко подбрав подол платья во избежание встречи со стертым булыжником, и углубилась в переулок. Из распахнутой двери лавки травницы вырвалось густое облако ароматов ромашки и мяты. Владелица в зеленом переднике бросила на меня быстрый цепкий взгляд, кивнула и мгновенно вернула внимание покупателю.

В окне стеклодува сияла жаром розовая свежевывнутая колба, мастер придирчиво рассматривал стенки сосуда на просвет. Под вывеской часовщика сидел высохший старичок с очками на лбу, полируя крошечную латунную шестеренку.

— Мое почтение, леди.

— Доброго дня.

Я вежливо кивнула в ответ и ускорила шаг. В прошлой жизни мы часто виделись во время починки папиного хронометра, однако сейчас этот человек видит меня впервые.

Аптека Меерсона пряталась в самом конце улицы, придавленная тяжелой арочной кладкой второго этажа. Старая медная вывеска обещала покупателям любые реактивы, эссенции и редкие порошки. Краска на буквах давно облупилась, латунный колокольчик над ручкой покрылся слоем зеленой патины. Широкое окно пестрело десятками флаконов, банок и склянок, расставленных с фирменным хаотичным артистизмом старого мастера.

Я уверенно толкнула тяжелую дверь под звонкий удар колокольчика.

Помещение утопало в густом полумраке, обязательном для хранения редких ингредиентов. Стеллажи с пузырьками прорастали от самого пола до деревянных балок потолка. На массивном прилавке покоились раскрытые фолианты с пожелтевшими страницами, медные весы с набором гирек и горсти сухой лаванды. Воздух гудел от смеси ароматов можжевельника, едкой серы и сладковатого дигигладана.

Прилавок пустовал. Хозяин лавки отсутствовал.

Зато в центре зала замер посетитель. Абсолютно прямой, пугающе высокий мужчина. И он был одет в то самое длинное черное пальто, которое я уже дважды встречала за сегодня.

Глава 5

Граф медленно, будто невзначай, обернулся. Но такое ощущение, что он знал о моем приближении задолго до звона дверного колокольчика.

Золотые глаза цепко мазнули по моему лицу.

— Леди Мортим.

— Ваше сиятельство.

— Для одного дня мы с вами слишком часто пересекаемся.

Его голос звучал до одури ровно. Он говорил с тягучей полунасмешливой интонацией карточного шулера с крапленой колодой в рукаве. Слова сочились легким издевательским сожалением.

Я едва подавила животный порыв броситься к спасительной двери. Тело буквально рвалось наружу, к ожидавшей карете. Я успела вовремя одернуть себя. Пришлось бы глупо объяснять внезапное бегство из тесного помещения.

Я заставила губы растянуться в вежливой улыбке.

— Воистину, ваше сиятельство.

Метка под артефактом-глушилкой обжигала кожу кипятком. Я мысленно взмолилась всем известным богам, чтобы иллюзия продержалась хотя бы эти жалкие минуты присутствия рядом с графом. Надеюсь, высшие силы прощают молебны о подобных мелочах.

Из подсобки вынырнул Меерсон. Маленький пухлый аптекарь с седыми бакенбардами прижимал к груди три склянки, оберегая их словно величайшую драгоценность. При виде меня он расплылся в улыбке и едва не уронил стекло.

— Леди Дэйна! Какая встреча! — аптекарь тут же повернулся к графу. — Прошу прощения, ваше сиятельство. Вот эти три приготовил. Точно по вашему заказу. Двух последних позиций из списка сейчас нет. Их поставляет купец из срединных провинций, телега ходит раз в неделю. Я отправлю заказ завтра первой почтой, и через два дня товар будет лежать на моих полках. Мой паренек отнесет их в вашу мастерскую сразу после прибытия груза.

— Хорошо.

Граф достал кошель из внутреннего кармана пальто.

— Сколько за эти три?

— Двенадцать золотых, ваше сиятельство.

Сайс отсчитал монеты вслепую, выложив на прилавок ровные блестящие столбики. Меерсон сгреб их обеими ладонями и низко поклонился.

— Сию минуту запакую.

Граф отступил на полшага к стеллажу у окна, лишь создавая видимость, будто освобождает пространство для аптекаря. Его ленивая поза выдавала затаившегося у воды крупного хищника. Сайс повернулся в полупрофиль к прилавку, заложил руки за спину и принялся крайне внимательно рассматривать товар на полках.

Я подошла к прилавку с другой стороны.

— Чем могу служить, леди Дэйна? — Меерсон уже доставал плотную бумагу для графских склянок.

— Мне нужна слеза василиска. Одна капля. Этого хватит. Меерсон оторвался от бумаги. Брови над круглыми очками изумленно поползли вверх.

— Слеза василиска, говорите?

— Именно.

— Зачем барышне василисковая слеза, ради всего святого?

Я повела плечом.

— Папе.

Меерсон тонко засмеялся по-стариковски, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

— Папе. Леди Дэйна, я слышу это от вас со времен ваших пеших прогулок под стол. Вы тогда заглядывали сюда с ужасными растрепанными косичками. «Папе, господин Меерсон, это папе, господин Меерсон».

Я улыбнулась. Обижаться тут было не на что. Старая гувернантка леди Глеттль плела мне косички в раннем детстве. Кожа на висках к вечеру вставала дыбом от тугого плетения, и весь следующий день я крутилась у отца в лавке и тайком расковыривала волосы пальцами, чтобы дать голове хоть немного отдохнуть. К концу дня прическа выглядела кошмарно.

— Олдрифу занедужилось с утра, — соврала я абсолютно

гладко. — Папа просил меня заехать, не сам же он поедет в город посреди работы.

— Олдриф приболел?

— Слегка. — Я твердо знала, что Олдриф прикроет меня при любых расспросах.

— Жаль старика. Передавайте ему добрые пожелания, — Меерсон зашагал в подсобку. — Сейчас принесу. Слеза у меня в верхнем хранении, минутку.

Аптекарь скрылся за занавеской, оставив меня у прилавка. Граф в трех шагах сзади продолжал изучать... кажется, не полки. Я кожей ощущала его тяжелый взгляд, отчего лопатки под платьем превратились в две раскаленные медные пластины.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я опустила глаза на витрину.

Крупный кристалл бледно-зеленого хризолита лежал на черной бархатной подложке прямо передо мной. Грани преломляли свет, а в сердцевине вился тонкий золотистый дымок. Я прекрасно знала свойства этой магии.

Кристалл работал настоящим магнитом. Он тянул к себе чужое внимание на уровне мысли. Правильная огранка и настройка в украшении заставляют владельца притягивать определенного человека. Это сродни назойливой шелковой ниточке в голове, нашептывающей о необходимости вспомнить и посмотреть в нужную сторону.

Я нагнулась над камнем, делая вид праздного любопытства. В голове мелькнула забавная мысль, немного разогнав-

шая тревогу.

Похоже, что скоро я подарю Алифанте серьги. Маленькие бабочки аквианта получают крошечные вставки этого хризолита у крылышек. Я делала похожую огранку в седьмом году замужества для знакомой графини. Голубоглазой Алифанте они подойдут идеально. Бабочка ляжет к самой шее, и кристаллы начнут мягко покачиваться в такт движениям головы.

Клэйду достанется брошь в виде толстого лакированного жука с лапками. Эта вещь будет носиться поверх жилета на самом виду, а аквианта разместится в одной точке у головы. Брак аквианты с хризолитом создает тонко настроенную друг на друга пару. Соединение двух кристаллов из одной партии заставит владельцев украшений тянуться друг к другу.

Клэйду безумно подойдет жук. Определенно.

Я мысленно прикидывала, что именно мне нужно купить здесь и в лавке артефактовских заготовок. Требовалось взять пару кристаллов хризолита из одной партии, чтобы они звучали в унисон. Аквианта тоже нуждалась в паре. Тонкая серебряная проволока пойдет на оправу. Жук станет темно-зеленым с золотистым отливом благодаря эмали, а бабочка получит мягкий голубой тон. Оставалось сделать маленькие магнитные сердечники.

— Зачем барышне слеза василиска?

Голос прозвучал прямо за моей спиной.

Я вздрогнула, безуспешно пытаюсь скрыть это движение. Он стоял в полушаге от меня. Я кожей чувствовала его давящую ауру.

— Оставьте отговорки про отца, — продолжил он. — Сегодня утром я видел Олдрифа в лавке Лендгриза, — я обернулась. — Старик купил два мешка серебряной пудры. Он тащил их к карете весьма бодренько. Полки у Лендгриза ломятся от вашей слезы. Олдриф мог ее приобрести там. Разумеется, если бы она действительно понадобилась вашему отцу.

Метка под глушилкой стянулась болезненным узлом.

Граф нависал прямо надо мной. Тесная лавка Меерсона делала его фигуру еще массивнее по сравнению с просторным кабинетом Магранса. Потолок давил низкими балками, а голова Сайса почти доставала до дерева.

Свет висячей магической лампы падал на его лицо снизу. Желтые глаза в этих тенях потеряли все человеческое.

Я поджала губы, понимая, что старая ложь раскрыта и нужно срочно придумывать новую.

— Ваше сиятельство.

— Я слушаю.

— Привычка графа Сайса следить за маршрутами прислуги чужих домов вызывает искреннее недоумение.

Я вложила в голос максимум холодного равнодушия. Десять лет общения с инспекторами и конкурентами научили меня правильным интонациям. Мой собственный муж полу-

чал от меня такие же фразы, когда обстановка обязывала.

— Это лишь совпадение, — отозвался Сайс. — Сегодня утром я заходил к Лендгризу за редкими позициями. Там я встретил старого Олдрифа, мы перекинулись парой слов. Я давно знаком со стариком — еще со времен покупки пары штучных артефактов у Бертон Мортима. Должен заметить прекрасное самочувствие вашего слуги.

Я мысленно выругалась от всей души.

— Я ошиблась, — спокойно сказала я, меняя тактику. — Очевидно, Олдрифу стало лучше. А о поручении отца он просто забыл.

Сайс смотрел на меня... с искренним равнодушием? Его взгляд намертво приклеился к моей шее. Я медленно вдохнула и заставила спину выпрямиться.

— Ваше сиятельство, — мой голос еда не зазвенел от напряжения. — Слеза василиска маскирует изъяны на коже. Моя шея страдает от высыпаний. Расспросы свободной леди о таких деликатных вещах переходят границы приличий.

Граф медленно моргнул. Это движение выдало в нем крупного зверя, который после внезапного щелчка по носу взял паузу для оценки ситуации.

Затем угол его рта дрогнул в кривоватой усмешке. Он снова уставился мне на шею.

— Прошу прощения, — и ни тени сожаления в голосе. — Я упустил из виду чувствительность кожи юных леди.

— Бывает.

— Бывает.

Он чуть склонил голову вбок.

— Расскажите про ваш артефакт.

— Простите?

— На шее, — Сайс кивнул на мой ворот. — Под кружевом лежит необычная штучка. Я впервые вижу такие магические плетения, хотя за мою жизнь через мои руки прошли сотни артефактов из разных мастерских. Назовите имя мастера.

Мое сердце пропустило удар.

У драконов настолько хорошее зрение, что они магию сквозь ткань видят?

Выходит, что так.

Ну и разумеется, он видел такое плетение впервые. Я работывала этот контур сама, долгими ночами в папиной мастерской. Первый месяц ушел на поиск способов загасить метку. Через полгода расчетов в библиотеках получился стабильный результат. Это было как раз перед свадьбой. Мое уникальное техническое решение.

И теперь мишень этой самой глушилки стояла передо мной и профессионально интересовалась автором. Я выдала самую светлую улыбку из своего арсенала.

— Купила, — сказала я. — Этим летом мы с папой ездили к двоюродной тетке в Линсбрук. Я нашла эту вещь в маленькой провинциальной лавочке. Старый мастер назвал это штучной работой и собственным изобретением. Я сразу забрала покупку.

— Линсбрук.

— Линсбрук, ваше сиятельство.

— Любопытно.

— Что именно?

— Мастер из провинциальной лавочки собрал гениальное плетение. Я бы с удовольствием посмотрел поближе, — Сайс еще раз мазнул взглядом по моему вороту. — Если когда-нибудь решите продать эту вещь, пожалуйста, имейте ввиду что я охотно куплю его за любые деньги.

— Я запомню, ваше сиятельство.

— И, — он чуть понизил голос, — я настоятельно рекомендую беречь ее. Она очень тонкая. Хорошая работа всегда отличается хрупкостью.

— Я знаю.

— Тогда мы поняли друг друга.

Меерсон снова вынырнул из подсобки, держа на ладони крошечный пузырек из темного стекла размером с ноготь. Аптекарь осторожно положил его на бархат рядом с хризолитом и поклонился.

— Леди Дэйна, одна капля.

— Спасибо, господин Меерсон. Отложите для меня вон те кристаллы хризолита и аквианта до следующей недели.

— Всенепременно, леди.

Я достала кошель. Граф отступил от моего плеча, застыл ровно у двери и перекрыл проход. Мне предстояло проскользнуть в опасной близости от него.

Положив на прилавок три золотых, я аккуратно убрала пузырек в бархатный мешочек. Короткий кивок аптекарю завершил сделку. Я повернулась к выходу, но граф продолжал подпирать косяк.

— Леди Мортим, — он чуть наклонил голову. — Напоминаю.

— О чем именно, ваше сиятельство?

— Я жду вас среди откликнувшихся на мое сегодняшнее приглашение.

— Я приняла к сведению.

— Я лично побеседую с каждым.

— Я слышала это во время вашей речи.

— Тогда с нетерпением жду вас в моей конторе.

Он отступил и освободил путь. Я скользнула мимо с опущенными глазами, спиной чувствуя, как он едва заметно склонил голову и проводит меня тяжелым взглядом сверху вниз. Моя макушка горела от этого внимания.

Колокольчик звякнул. Я вылетела на улицу.

Пульс выровнялся только через десять быстрых шагов. Метка под глушилкой утихала медленно и тяжело. Я миновала лавки стеклодува и травницы за углом часовщика. Извозчик заметил меня в начале улицы и тут же спрыгнул с козел.

— Все в порядке, леди?

— В полном.

— Вы побледнели.

— Возможно, переутомилась.

Я забралась в карету и захлопнула дверцу. Колеса застучали по булыжнику, и только тогда я позволила себе прижаться лбом к холодной деревянной стенке.

Моя отговорка про Линсбрук звучала омерзительно жалко. Любой грамотный артефактор знал о способностях этого сонного городка. Там могли создать максимум самопомошивающуюся ложку. Сайс наверняка раскусил ложь моментально. Скорее всего, он начнет копать.

Я прикрыла веки.

Дома я первым делом поднялась к себе. По пути Варида получила указание подавать ужин через час. Я заперлась в смежной комнатке. Мое личное рабочее место представляло собой скромный закуток с верстаком, маленьким шкафом для реактивов и набором тонких инструментов. Отец считал полноценную лабораторию преждевременным шагом для меня.

Для починки глушилки этого хватало с избытком.

Я выложила пузырек со слезой на бархатную салфетку, затем развязала шнурок и сняла с шеи артефакт. Крошечная пластинка из посеребренной меди с золоченой кромкой легла рядом с пузырьком. В ее центре тускло поблескивал полупрозрачный камень-накопитель.

Кристалл заметно помутнел.

Я вооружилась лупой для детального осмотра. За сутки простая внутри скопилась плотная магическая взвесь. Она

напоминала мутный осадок на дне застоявшейся лужи. Если не починить артефакт сейчас, через неделю иллюзия просто спадет.

Я аккуратно подцепила крошечный винт на боку и приготовилась снять крышку.

Вдруг в окно ударило нечто тяжелое. Звук напоминал шлепок мокрой тряпки о стекло. Мои пальцы дрогнули от испуга.

Артефакт выскользнул из рук. Пластинка звякнула о столешницу. Камень-накопитель вылетел из гнезда, откатился в сторону и замер у чернильницы.

— Тьфу ты!

Я резко обернулась к окну.

На подоконнике сидел ворон. Крупная лохматая птица промокла в вечернем тумане. Черные бусины глаз уставились прямо на меня. Ворон потоптался, шумно встряхнул крыльями и снова стукнул клювом по раме.

Меня захлестнула злоба пополам с истеричным весельем.

— Уходи! — рывкнула я.

Ворон хрипло каркнул и сорвался с карниза, окатив стекло веером грязных капель.

Я вернулась к столу с шумным выдохом. Камень лежал целым. Но осмотр через лупу заставил сердце ухнуть в пятки.

По самому краешку кристалла змеилась микротрещина. Тонкая паутинка длиной с полногтя пролегла по декоративной кромке. Рабочие магические потоки остались целыми.

Это был чистый физический дефект.

Я медленно перевела дух. Магическая структура не пострадала. Иллюзия продолжит работать.

Я вернула камень в гнездо и капнула туда же слезу василиска. Крышка плотно закрылась. Стабилизатор впитался мгновенно и отозвался коротким свечением по контуру. Я затянула винт и покачала пластинку на ладони. Муть исчезла. Плетение снова задышало ровно и чисто.

Я надела артефакт на шею. Металл лег точно поверх метки.

Пришло время спускаться к ужину.

Папа сидел во главе стола. Он отложил газету и кивнул на мою тарелку.

— Ну, как сегодняшний день?

— Полон событий.

— Это хорошо или плохо?

— Скорее любопытно.

Дирэл тихо подал горячее мясо с тушеными овощами. Я взялась за приборы.

— Папа, — начала я между делом, — сегодня в академию приезжал граф Сайс.

— Араэдан Сайс?

Отец удивленно поднял взгляд.

— Угу.

— Какова цель его визита?

— Он вешал объявление. Ищет талантливое подмастерья

среди выпускников. Лично заходил на лекции и приглашал на собеседования в свою контору.

Папа покачал головой.

— Удивительно. Слухи о том, что он ищет людей, ходили давно. Но личный визит говорит о серьезности намерений. Сайс избегает лишних реверансов.

— Зачем ему так отчаянно искать помощников?

— Фабрика расширяется, — пояснил он, нарезая мясо. — За полтора года он сильно рванул вперед. Рабочих рук у него в достатке, люди держатся за свои места. А вот думающие головы всегда в дефиците.

Я отложила вилку.

— Папа. Я задам прямой вопрос. И жду такого же ответа.

— Спрашивай.

— Люди говорят о жестокости графа Сайса. Что мастера попадают в больницу от переработки. Адепты сидят запертыми в подвале за срыв нормы. Насколько правдивы эти слова?

Отец замер с вилкой в руке.

Тишина давила пару долгих секунд. Он аккуратно опустил прибор на тарелку и посмотрел на меня. Это выражение лица означало, что он обнаружил грязную ложь в голове дочери. И теперь предстояло вытащить этот сорняк с корнем.

— Дэйна, — произнес он медленно и тяжело, — кто рассказал тебе эти бредни?

— Слышала на курсе.

— На курсе. Назовешь имя этого паршивца?

Я повела плечами.

— Обычные студенческие разговоры.

Отец отодвинул салфетку.

— Слушай меня предельно внимательно, Дэйна. Араэдан Сайс принадлежит к числу самых достойных людей столицы. Я знаю его лично. Он заказывал у меня штучные артефакты. Оплата всегда превышала названную сумму в знак признательности за хорошую работу. В позапрошлом году он приметил нищего парнишку из переплетного цеха. Сайс устроил этого таланта к себе и оплатил вечернее обучение в академии. Сейчас этот мальчишка стал одним из ведущих мастеров. Разве злодей из подвалов способен на такие поступки?

Я хранила молчание.

— Светское общество уважает его за реальные дела, — продолжал отец. — Четыреста человек работают на его фабрике. Все держатся за свои места. Он предлагает лучшие условия в городе. Оплата больничных дней стала его личным нововведением! Работник сохраняет заработок во время хвори. Остальные фабриканты давятся за каждую монету. Очередь к Сайсу стоит на годы вперед. Его личный визит в академию дает блестящий шанс для такой умной девочки попробовать свои силы.

Я опустила глаза на скатерть.

— Я подумаю, папа.

— Подумай. И еще одно, — он потянулся через стол и на-

крыл мою руку своей. — Забудь эти помои навсегда. Тот, кто распускает эти слухи, либо абсолютно слеп, либо преследует крайне злой умысел.

Я выдержала его строгий взгляд, кивнула и мягко высвободила ладонь.

Дирэл подложил мне овощей. Я съела пару ложек. Разговор плавно перетек на обсуждение старой кошки. Хвостатая воровка повадилась таскать сметану из кухни.

Я ела, отвечала впопад и улыбалась.

А в голове навязчиво билась одна-единственная мысль. Я крутила ее так и эдак, но она не становилась менее пугающей.

Десять лет.

Десять лет я воевала с человеком, против которого мне вообще не нужно было воевать.

Я положила вилку и посмотрела на отца. Он улыбнулся мне поверх чашки. Я улыбнулась в ответ.

А внутри холодным, тяжелым камнем осело слово, которым я последние десять лет называла Араэдана Сайса. Слово, которое теперь придется забыть навсегда.

Враг.

Глава 6

Сон упрямо обходил меня стороной.

Я лежала на привычной подушке, разглядывала розовый абажур ночника у изголовья, перебирая в уме события прошедшего дня. По стенам скользили легкие тени от ветвей, за окном одиноко таякнул соседский пес, лишь усиливая мою внутреннюю суету. Мысли путались, отказываясь выстраиваться в логичную цепочку.

Перспектива стать подмастерьем графа Сайса казалась безумием.

Я перевернулась на бок, крепко обхватив колени руками. В прошлой жизни я всегда избегала подобных мыслей, испытывая физическую дурноту от одной только вероятности работать вместе с драконом.

Сайс всегда представлялся мне стальным капканом: попадешь внутрь, останешься там навсегда. Я держалась в тени Клэйда совершенно осознанно, ради его понятной, открытой, светлой натуры. Граф же пугал своей тяжелой, темной аурой.

Сегодня же ситуация изменилась.

Стоило отбросить отцовские наставления, забыть речи Клэйда, вычистить из головы весь накопленный годами ментальный мусор, перед глазами вставал предельно простой вопрос: где быстрее всего вырасти, как артефактор?

Академия давала лишь базовые возможности, я уже опережала программу на пять курсов вперед из четырех возможных. Преподаватели способны довести адепта до диплома, выдать красивую бумажку. С таким документом нотариус оформит патенты, этим польза образования ограничится.

Мастерская графа предлагала совершенно иной уровень.

Промышленная артефакторика манила масштабными линиями, сложными стабилизаторами, городскими контрактами, правительственными заказами. В прошлый раз я ползла к этим результатам до двадцати восьми лет, собирая крохи опыта собственным горбом в глубокой тайне за спиной Клэйда. Под покровительством Сайса я способна освоить этот массив за два-три года, а то и быстрее.

Я перевернулась на спину, растирая зудящую ключицу.

Метку я надежно спрячу. Я уже обновила плетение глушилки, добившись идеально чистой работы, создав абсолютно стабильную иллюзию.

Сегодня утром в лавке Меерсона я провела рядом с графом двадцать минут, чувствуя жжение печати, но даже так артефакт выдержал это испытание. Значит, при соблюдении дистанции, при сохранении спокойного, делового тона обыкновенной адепки перед мастером, мой план обязательно сработает. Отработав положенное время, я спокойно уйду возглавив лавки отца. Я буду трудиться исключительно на себя, навсегда сохранив права на каждый созданный патент, лишив всяких Клэйдов возможности паразитировать на мо-

ем таланте.

Глаза сомкнулись, и я провалилась в глубокий сон.

Утром Варида пришла будить меня позже обычного. Я долго возилась с косой, спустившись к завтраку к моменту, когда папа допивал чай. Он тепло улыбнулся, кивнув в знак приветствия, я же рухнула на стул, проглотив овсянку за пять минут с проворством опаздывающего студента. Отец спрятал усмешку в усах, заметив мою спешку.

— Ты сегодня поразительно торопишься, девочка моя.

— В случае опоздания профессор Кааг выставит меня за дверь, сопроводив это дисциплинарным взысканием в личном деле, — пожаловалась я.

— Знаменитый Кааг. Тогда поторопись.

Я торопливо поцеловала его в щеку, помчавшись к ожидающей карете.

Территория академии встретила меня промозглой сыростью. Белые клочья утреннего тумана висели над дорожками, придавая двору мистический вид. Коридоры гудели от толпы адептов, среди которых я отчетливо почувствовала направленные в мою спину взгляды. Одни смотрели открыто, другие украдкой, создавая плотный кокон чужого внимания. Сдав плащ в гардеробную, я направилась к своей аудитории.

Алифанта уже ждала меня на нашем привычном месте у окна второго этажа, активно размахивая рукой.

Клэйд возвышался рядом с ней. Между ними повисла осязаемая, физически плотная пустота, разделяющая их надеж-

нее кирпичной стены. Они стояли близко, тщательно избегая случайных касаний плечами, усердно отводя взгляды друг от друга. Алифанта изучала противоположную стену, Клэйд крайне заинтересованно рассматривал двери аудитории, оба одновременно повернулись ко мне с фальшиво-радостными улыбками.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Доброе утро.

Три приветствия прозвучали подряд, напоминая плохо отрепетированную театральную сценку.

Я подошла ближе, остановившись ровно между ними. Здесь я заметила еще одну странность: они сделали синхронный полушаг ко мне, оказавшись по бокам, полностью игнорируя присутствие друг друга. Раньше эта парочка постоянно переглядывалась поверх моей макушки, обмениваясь ласковыми, снисходительными улыбочками в стиле «наша Дэйна такая наивная». Сейчас они демонстрировали абсолютную отстраненность.

Я мысленно усмехнулась, оценивая эту внезапную перемену.

— Как прошла ваша вчерашняя прогулка?

— Прекрасно, — выпалили они синхронно, тут же погрузившись в молчание.

— Погода стояла чудесная, — добавил Клэйд секундой позже. — Тихо, фонарики горели очень красиво.

— Я купила маме чай, — вставила Алифанта. — Мы крайне удачно зашли в Тенрау.

— Понятно.

— Как твои дела? — Алифанта теребила рукав моего платья. — Папа обрадовался твоему возвращению к ужину?

— Он был очень доволен.

Я смотрела в ее лицо, ясно читая скрытую потребность выговориться. Она перебирала ткань моего рукава, нервно покусывая губу. Клэйд с другой стороны шагнул еще ближе, я почувствовала его мягкое прикосновение к моему локтю.

— Дэйна, — начал он, — я тут подумал, может нам стоит...

— Дэйна, — перебила его Алифанта, — пойдем после первой пары к Эммилин выпить кофе?

Они замолчали, обменявшись короткими, холодными взглядами, полными скрытой угрозы.

Ой, а что это у нас тут, а? Очень интересно!

— У меня сегодня расписана каждая минута, — мягко ответила я.

Алифанта часто заморгала, явно растерявшись от очередного моего отказа.

— Какие у тебя планы? — спросил Клэйд.

— Сначала лекции, потом библиотека, затем отец поручил мне съездить по одному делу.

— Снова дела.

— Что значит «снова»?

Он чуть улыбнулся, наклонился к моему уху.

— Я приду в обед в столовую, — тихо пообещал он. —
Уделишь мне четверть часа.

— Уделю.

— Спасибо, родная.

Я кивнула, развернулась, увлекая Алифанту за собой в сторону аудитории. Мы сделали несколько шагов. Краем глаза я уловила, как Алифанта резко обернулась. Она бросила на оставшегося стоять у окна Клэйда пронзительный, полный скрытого смысла взгляд. Этот молчаливый контакт длился долю секунды, наполненный напряжением туго натянутой струны.

Я предпочла сохранить ледяное спокойствие, делая вид, будто полностью поглощена предстоящей лекцией.

Алифанта поспешила за мной, заняв место рядом.

— Дэйна, — она наклонилась ко мне, — а правда, что вчера граф Сайс пригласил тебя в свою контору?

Я подняла глаза.

В ее лице была искренняя восторженная заинтересованность.

— Откуда ты знаешь?

— Виера. Виера Лантис. Она ко мне утром подошла, спросила, правда ли, что моя лучшая подруга получила персональное приглашение от графа Сайса. Я ей сказала, что вообще впервые об этом слышу, и сразу побежала тебя искать.

Я уперлась лбом в ладонь.

— Алифанта, это преувеличение. Он просто объявил, что ищет подмастерья и сказал, что меня тоже приглашает. Просто так совпало, но адепты почему-то решили, что меня он пригласил отдельно. У него таких приглашений по всей академии разлетелось штук двадцать.

— А почему именно к тебе?

— Потому что вчера я разговаривала с Магрансом на тему резонансов и он случайно услышал часть разговора.

— Магранс? — Голубые глаза стали еще круглее. — Когда ты успела?

— Утром, — я махнула рукой. — Так много событий произошло, что уже и забыла.

— Ты же говорила, что плащ рвала об дверную ручку.

Я подняла глаза от тетради и медленно посмотрела на нее.

— Алифанта, ты задаешь подозрительно много вопросов. Это допрос?

Она растерянно моргнула, а затем медленно растянула губы в улыбке.

— Ошибаешься. — Она нежно потрепала меня по локтю.

— Извини. Я просто переживаю за тебя. Все говорят, что граф человек тяжелый. Я крайне против твоих опрометчивых решений.

— Я буду очень осторожна.

— Хорошо.

В аудиторию вошел профессор Дагерваль, и мы притихли. Половину лекции я смотрела в тетрадь, детально анализи-

руя поведение этих двоих. Они проявляли избыточную осторожность, действуя крайне мягко. В прошлой жизни я часто наблюдала работу профессиональных вербовщиков столичных гильдий. Эти улыбчивые люди обрабатывали нужных мастеров по абсолютно идентичной схеме. Они окружали объект плотным коконом показного участия, преданно заглядывали в глаза, искусно создавая иллюзию полного доверия ради выуживания ценных сведений или нужной подписи.

Алифанта сегодня утром копировала эти хищные повадки, но я никак не могла понять, что ей нужно. Ну, то есть цели Клэйда понятны. Он всю жизнь из кожи вон лез, чтобы создать себе имя, а когда мы поженились, такая необходимость отпала сама собой. Все мои открытия были запатентованы на его имя, потому что мое образование этого сделать не позволяло.

А что с Алифантой? Она никогда не претендовала на мои изобретения, но всегда была рядом. Вроде бы дружеская поддержка. Правда, как бы мы не ругались с Клэйдом, или в дни когда он меня обижал несправедливо, она всегда была на его стороне... Может, он ей денег за это платил? Но сейчас-то ему особо нечем платить. Я не понимаю ее мотивов!

Вторую половину занятия я мысленно препарировала слова отца и еще раз обдумала приглашение графа. Риск быть раскрытой увеличится в разы, но артефакт никогда меня не подводил раньше, в нем я была уверена. главное следить за

зарядом.

На перерыве я выскочила из аудитории первой.

Виера Лантис, дочь ювелира, стояла у фонтана во дворе с двумя подругами. Светленькая девушка с пшеничной косой и голубыми внимательными глазами.

В прошлой жизни она вызывала у меня искреннюю, глубокую симпатию. Алифанта тогда изводила меня ядовитой ревностью, вынуждая обрывать любые связи на стороне ради сохранения мнимого покоя. Я покорно сводила свой круг общения исключительно к Алифанте и Клэйдю.

Сейчас я ясно осознавала масштаб собственной ошибки. Виера обладала острым, аналитическим умом, легко затмевая большинство адептов на нашем потоке. Я собственными руками разрушила шанс обрести действительно выдающуюся, умную подругу.

Я подошла ближе.

— Доброе утро, леди Виера.

— Леди Мортим! — Она просияла. — Доброе утро. Я как раз о вас вспоминала, — она махнула подругам рукой и они тут же сделали улыбку «мы все понимаем», и отошли к скамейке у дерева. Виера повернулась ко мне.

— Все говорят, — начала она без обиняков, — что вчера сам граф Сайс лично пригласил вас на отбор в свои подмастерья. Это правда?

— Откуда такие слухи?

— Половина академии гудит со вчерашнего дня. Я слы-

шала уже три версии. По одной он подошел к вам после лекции и провожал до кареты. По другой он пришел в академию по делам и наткнулся на вас и вы разговорились, а после он вас прилюдно пригласил. По третьей он вообще признался, что давно вами интересуется и приехал лично, чтобы посмотреть в глаза.

Я уставилась на нее, открыв рот.

— Все было совсем не так. Он действительно меня пригласил, но в контексте “тоже”, потому что ранее он стал свидетелем моего разговора с профессором Магрансом.

Виера наморщила лоб.

— И это все?

— Да.

Она расмеялась.

— Ну, слухами земля полнится. В любом случае, я за вас очень рада, — сказала она, — а слухов... их будет много. Я бы сказала, что про вас их всегда будет много, потому что все профессора считают, что вы даже отца своего превзойдете в будущем.

Я посмотрела на нее. Слышать подобное было очень приятно. Но мне казалось, что она сильно преувеличивает мои способности.

Мы тепло распрощались и я снова пошла на чужие лекцию, не предупредив Алефанту. Даже не знаю, было от глупо или правильно, но проводить время ни с ней, ни с Клэйдом мне не хотелось. Я даже на обед не ходила, чтобы с послед-

ним не столкнуться.

Однако, позже он нашел меня сам. Стоял у ворот и поджидал, когда я пойду за экипажем.

Туман давно разошелся, но небо все равно стояло низкое и серое. Я подняла воротник плаща, перехватила сумку поудобнее.

— Дэйна!

Он стоял у ворот, у самого края, прислонившись плечом к каменному столбу. И вид у него сильно отличался от утреннего. Абсолютно серьезный. Внимательный, чуть напряженный и взгляд едва не режет.

— Я предполагала, ты уже ушел.

— Я ждал тебя.

— Я обещала папе вернуться сразу.

— Папа подождет. — Клэйд оттолкнулся плечом от столба, шагнул мне навстречу. — Я предлагаю пройтись пешком. У меня тут малый круг до Тенрау и обратно. Полчаса максимум.

— Клэйд, у меня...

— Полчаса, Дэйна.

— У меня крайне мало времени.

— Хорошо. — Он шагнул ближе. — Двадцать минут.

— Клэйд.

— Дэйна, нам надо поговорить.

Терпеть не могу эту фразу. Она обычно означает, что сейчас он начнет продавливать какое-то свое видение в отноше-

нии импонирующей мне ситуации. И как я с ним жила десять лет? Неужели не видела, какой он манипулятор?

Нет, не видела. Принимала все за чистую монету.

Я попыталась улыбнуться.

— Давай завтра. В перерыве. Спокойно посидим в кофейне.

— Сейчас.

— Клэйд, я устала.

И тут он сделал вещь, к которой никогда в жизни не прибегал.

Он сжал мое плечо. Настолько крепко, что я поморщилась и еще бы чуть-чуть и запищала от боли.

Я замерла.

— Клэйд.

— Прости. — Он сразу же отпустил, поднял ладонь, словно показывая свою безобидность. — Прости, Дэйна, я случайно. Просто. Дэйна, пройдемся. Пожалуйста.

Я несколько секунд смотрела ему в лицо.

И поняла целесообразность этой прогулки. Лучше пройду и узнаю его мысли, чем буду все следующие дни ловить эти его «нам надо поговорить».

— Двадцать минут.

— Не больше, обещаю.

Мы пошли вдоль ограды академии.

Дорожка вела по бульвару, обсаженному молодыми липами. Под ногами хрустел желтый лист. Клэйд шагал рядом,

оставив попытки предложить мне руку, и сохраняя молчание первые полминуты. Я тоже молчала.

— Дэйна, — наконец сказал он, — Расскажи мне про Сайса.

— Что про него рассказать?

— Что он от тебя хочет.

— Если ты о слухах, то это было приглашение пройти отбор в его подмастерье.

Клэйд внимательно на меня посмотрел, а затем покачал головой, будто это был безнадежный случай.

Да, это было обесценивание.

— Ты же не пойдешь?

Потрепать ему нервы? Или просто промолчать и сходить?

Я остановилась посреди дорожки. Он остановился на полшага впереди и обернулся.

— Клэйд, что тебе именно нужно?

— Я хочу знать, что происходит между тобой и графом.

— Между нами ничего не происходит, Клэйд. Я бы никогда в жизни с ним не заговорила, просто какой-то профессор, видимо, рассказал ему обо мне. Я не могу знать, что у графа в голове, Клэйд. Да мне это и неинтересно.

— Ты собираешься идти? — будто не слушал вовсе.

— Я об этом даже не думала, — солгала я, не моргнув.

Это плохо. С этими двумя, я скоро стану профессиональной лгуньей, но надо отдать должное, мне они лгали десять лет.

— Дэйна.

— Слушаю, Клэйд.

— Я очень тебя люблю.

Я натянуто улыбнулась, потому что знала цену этой любви. Она приведет меня к клейму черного артефактора и эшафоту.

— И именно поэтому я буду всячески препятствовать твоему попаданию под влияние такого человека, как Сайс. Этот дракон беспринципный. У него абсолютно отсутствует мораль, совесть, уважение. Он берет в свою мастерскую способных молодых артефакторов и выжимает их до капли.

А он точно не о себе говорит?

Меня этот вопрос так развеселил, что я еле сдержала улыбку. Я ведь и есть тот артефактор, которого выжали до капли!

Ты, Клэйд. Это сделал ты!

— Я в позапрошлом году слышал о парне из ремесленной слободы, которого Сайс взял к себе чуть ли не из переплетной...

Я кивала.

Угу, и этот мальчик у него теперь один из ведущих мастеров, папа мне про него уже рассказывал.

— ...неизвестно что с ним стало, но на фабрике его нет. Ходят слухи, что его вообще убили, как свидетеля грязных дел Сайса, — мне даже захотелось ему похлопать.

Так врать еще уметь надо!

— ...я просто против твоего превращения в одну из этих историй. Ты талантливая, я знаю. Ты у меня самая способная во всей академии. И именно поэтому я приложу все усилия, чтобы тебя уберечь от этого хищного...

— Наверное, ты прав, Клэйд.

— Правда?

— Конечно, — кивнула я и мягко улыбнулась. — Честное слово, я об этом думаю в последнюю очередь. У меня сейчас голова забита другими вещами: и я жду, когда ты официально сделаешь мне предложение. Так что ты отбрось переживания. Я прекрасно помню твои слова про графа. И все эти академические слухи. Я умная девочка, Клэйд. Я сохраняю дистанцию от подмастерья к человеку, о котором близкие люди отзываются в таком ключе.

Он остановился. Повернулся ко мне всем телом. Посмотрел мне в лицо.

И вот здесь я порадовалась своей выработанной за десять лет жизни с этим человеком железной физиономии. Потому что Клэйд сейчас очень внимательно изучал мое лицо на предмет лжи.

Я улыбнулась шире.

— Я тебе обещаю, мой милый.

— И, — он помедлил, — мы давно игнорировали совместные выходы. Давай завтра прогуляемся в сквере Альтума.

Я внутренне усмехнулась. Сквер Альтума. Тот самый, куда в столице приходят парочки. По дорожкам гуляют под

ручку, у фонтана останавливаются, у статуи древнего поэта непременно целуются, если все идет по плану.

— Давай, — согласилась я.

— Правда?

— Правда. Завтра после занятий.

Клэйд просветлел.

— Хорошо.

Мы пошли дальше.

К наемному экипажу он проводил меня молча. Сам махнул извозчику. Помог мне забраться. И когда я уже сидела внутри, он сжал мою ладонь, поднес к губам, поцеловал.

— До завтра, родная.

— До завтра, Клэйд.

— Я очень тебя люблю.

— Я знаю.

Я улыбнулась.

Карета тронулась.

И я еще пять секунд держала эту улыбку на случай его внимательного взгляда вслед. Потом расслаблено откинулась на спинку.

— Уважаемый, — сказала я извозчику через окошко в передней стенке, — отвезите меня к мастерской графа Сайса. На Лавуристовый проспект.

— Как скажете, госпожа.

Извозчик прищелкнул, лошади свернули у первого же поворота.

Лавуристовый проспект.

Эту часть столицы я знала достаточно поверхностно. В прошлой жизни я туда заезжала, наверное, раз в год, на какие-то ярмарки. Промышленный квартал, фабрики, мастерские, длинные краснокирпичные здания, дворы за коваными воротами, дым из труб. Место, предназначенное для тяжелого труда.

Карета катилась по проспекту минут двадцать. Я смотрела в окно. Чем дальше мы ехали, тем реже встречались вывески над лавками и чаще тяжелые металлические знаки мастеров. Каменщики. Стеклодувы. Литейщики. Кузнечная гильдия. Через четверть часа улицы стали шире. Здания выросли.

— Конец проспекта, барышня. Дом тридцать четыре.

Я расплатилась, сошла.

Здание стояло за высокой кованой оградой. Сам дом, четырехэтажный, серого камня, с большими стрельчатыми окнами по фасаду, выглядел как солидная контора в столице: строго, сугубо функционально, с одним только большим латунным знаком над двойными дверьми. Знак изображал кольцо с тремя пересекающимися линиями. Личный герб дома Сайс. Кажется, такой же красуется на моей шее.

Привратник у ворот скользнул по мне взглядом.

— Леди?

— Я к графу Сайсу. По объявлению о наборе подмастерьев в академии.

— Имя?

— Леди Дэйна Мортим.

Он кивнул, отступил в сторону, открыл одну створку ворот. Я прошла внутрь. По двору, выложенному ровной серой плиткой и дошла до двойных дверей. Они открылись передо мной еще до того, как я успела взяться за латунную ручку.

Молодой человек в темной ливрее с тем же кольцевым знаком на груди поклонился.

— Леди?

— Леди Мортим, — повторила я.

— Прошу.

Я шагнула внутрь.

Холл был большой, с высоким потолком, с двумя широкими лестницами по бокам. По стенам висели несколько застекленных шкафов, и в них на бархатных подложках лежали артефакты. Я машинально замедлила шаг. В одном шкафу стабилизатор для городского водопровода, тот самый, о котором говорил Кааг. В другом нечто похожее на компас, но с тремя стрелками. В третьем россыпь маленьких фигурок-зверьков, и от каждой тонким золотистым волоском тянулось к подвеске. Демонстрация. Хороший прием. К графу шли заказчики, и каждый заказчик, пока ждал в холле, видел способности этой мастерской.

Молодой человек повел меня по правой лестнице на третий этаж. По галерее. Через еще одни тяжелые двери. И через приемную, где за низким столиком сидел взрослый сек-

ретарь с очень аккуратными усами.

— Леди Мортим к его сиятельству.

— Их сиятельство ждут.

Секретарь поднялся, обошел стол и сам открыл передо мной дверь в кабинет.

Я прошла внутрь.

Кабинет был большой. Светлый. С двумя высокими окнами, выходящими во внутренний двор фабрики. У одной стены стоял шкаф с книгами, по большей части специальной литературой, я узнала корешки нескольких изданий по артефакторике. У противоположной длинный рабочий стол с разложенными на нем чертежами. В центре кабинета стоял другой стол, для приема посетителей, и за ним сидел граф.

Метка на шее накалилась и я едва не поморщилась.

Когда я вошла, граф встал.

— Леди Мортим.

— Ваше сиятельство.

— Вы быстрее, чем я предполагал.

Я заставила себя улыбнуться ровно. Прошла в кабинет, остановилась у кресла перед его столом. Он жестом указал мне на это кресло.

— Прошу.

Я села.

Сайс опустил обратно в свое. Между нами теперь был стол. По сравнению даже с кабинетом моего отца, этот казался просторным.

— Я подумала над вашим приглашением.

— И?

— Я бы хотела попытаться пройти отбор.

Он чуть приподнял бровь.

— Я реалистка, — добавила я. — Есть более талантливые адепты в нашей академии. Я просто хочу попробовать. И посмотреть работу вашей мастерской изнутри. Это редкая возможность лично увидеть фабрику Сайса.

— Любознательность.

— Да.

— Похвально.

Сайс положил ладони на стол перед собой. Длинные пальцы, ровные ногти, на безымянном правой массивный перстень с темным камнем. Я машинально отметила оправу. Серебряная, тонкая работа, шевлокская гильдия. Дорого.

— Хорошо, — сказал он. — Раз уж вы здесь, давайте я задам вам пару вопросов прямо сейчас, экономя наше время.

— Конечно.

— Только условие, леди Мортим. Я буду спрашивать в обход программы академии. У меня фабрика, мне нужны люди, умеющие думать ушами и руками, а визуальных знаний тут мало. Так что не пугайтесь, если вопрос вам покажется странным.

— Хорошо.

Он чуть подался вперед.

— Представьте, — медленно произнес он, — что у вас в

руках артефакт второго уровня сложности. Заказчик утверждает, что артефакт работает нестабильно: один раз из десяти дает осечку. Вы вскрываете корпус. На вид руны целы, плетение правильное, накопитель не поврежден. Что вы делаете дальше, в каком порядке, и почему?

Я едва не улыбнулась.

Это было совсем не из академической программы. Это было из прикладной работы артефактора, через который у меня прошли тысячи изделий за десять лет. Я могла бы ответить не задумываясь, но заставила себя ответить так, словно обдумывала несколько секунд.

— Первое, что я сделаю, — это проверю накопитель на чистоту наполнения. Накопитель может выглядеть невредимым и при этом давать сбои, если в нем скопилась посторонняя магическая взвесь. Особенно если артефакт долго работал в неблагоприятной среде. Я бы взяла маленький разрядный пробник и измерила ровность отклика накопителя на три-четыре последовательных импульса. Если отклик пляшет, накопитель надо чистить.

— Так. Дальше?

— Дальше я бы проверила контакты накопителя с плетением. Это место, где чаще всего собирается тонкий слой окислов. Окисел может быть невидим простым глазом, но он создает паразитное сопротивление и приводит ровно к такому эффекту: артефакт работает, но раз в десять срабатываний дает осечку. Я бы их разобрала и прочистила тонким

спиртовым составом.

— Третье?

— Третье — посмотрела бы плетение методом обратного прочерчивания.

Сайс приподнял брови.

— Это что?

— Это метод изучения внутренних линий рун без вскрытия, ваше сиятельство. Состав на основе пчелиного воска и серебряной пудры наносится на поверхность артефакта, дается слабый разрядный импульс, и линии рун проявляются на восковом слое как тень. Очень удобно, особенно когда нельзя разобрать корпус из-за гарантии. Я о нем читала.

Сайс молчал.

Я невольно замерла, потому что в его лице мелькнуло что-то странное.

— Где вы об этом читали? — спросил он ровно.

— У отца в библиотеке. Старая книжка, по-моему, северного автора.

— Не Венке?

— Возможно. Я не запомнила имя.

Сайс молчал еще несколько секунд.

Потом откинулся в кресле.

— Книжка Венке выходила одним изданием, тиражом двести экземпляров, сорок лет назад. Лежит у меня в шкафу за вашей спиной. У вашего отца, видимо, второй экземпляр в столице.

Я тихонько выдохнула.

— Возможно. Я не очень разбираюсь в библиографии. Я просто как-то нашла эту книжку на нижней полке. Тоненькая, в желтой обложке.

— В желтой, — кивнул Сайс. — Все правильно. У меня тоже она в желтой.

Он смотрел на меня. И я под его взглядом чувствовала ровно одно: метка под глушилкой греется все сильнее. Не до боли. До такого ровного тепла, на грани неприятного. Как чашка чая, которую только что налили, и которую еще нельзя взять в руку.

— Хороший ответ, — сказал он наконец.

— Спасибо.

— Следующий вопрос. — Он чуть подался вперед, и снова сложил ладони. — Возьмем артефакт-сигнализатор. Заказчик жалуется: артефакт работает только в одной комнате его дома. В других комнатах не отзывается. Корпус, плетение, накопитель в порядке. Что не так?

Я подумала секунду.

— Резонанс с фоном.

— Поясните.

— В каждом доме своя картина магического фона. У большинства людей дом так старый, что в стенах накопились собственные мелкие плетения от прежних артефактов, от защит, от случайных следов. Если артефактор не учел этого при настройке, артефакт будет работать только в том месте,

где фон совпадает с настройкой. Я бы взяла артефакт у заказчика, увезла в нейтральное помещение, провела повторную настройку с расширенной полосой отклика. И посоветовала ему в будущем заказывать настройку именно дома.

Сайс кивнул.

— Хорошо. Третий вопрос.

— Я готова.

— Если вам дать на доработку артефакт чужой работы, в котором, на ваш взгляд, есть ошибка проектирования, что вы будете делать?

— Если автор еще жив и работает — поговорю с автором.

Он чуть улыбнулся.

— Действительно?

— Действительно. Только глупый артефактор переделывает чужую работу, не выяснив, почему мастер сделал именно так. Иногда то, что выглядит как ошибка, на самом деле компромисс с заказчиком. Я предпочитаю узнать причину, а потом уже решать, переделывать ли. Если автор недоступен или не желает говорить, тогда я аккуратно вношу свои правки, обязательно сохраняя авторские руны нетронутыми. Это вопрос профессиональной чести.

Я говорила и сама не очень узнавала свой голос.

Я говорила так, как говорила бы зрелая, опытная мастер. И слышала, что это так звучит. И ничего не могла с этим поделать.

Сайс смотрел на меня.

Долго. Молча. С очень внимательным выражением, которое мне уже довелось видеть у него в кабинете Магранса. Только сейчас оно было не направлено на мое горло. Сейчас оно было направлено мне в глаза.

— Леди Мортим.

— Да, ваше сиятельство.

— У меня вопрос не про артефактику.

— Слушаю.

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— Восемнадцать.

— Да.

— Вы учитесь в академии.

— Да.

— И при этом отвечаете на вопросы, которые мои штатные мастера-подмастерья с многолетним опытом не всегда вытягивают.

Я опустила глаза.

— Папа любит со мной разговаривать о работе, — тихо сказала я. — С детства. Я многое слышала просто за ужином. И в его лавке. И в его мастерской. Папа считает, что артефакторика — это, в первую очередь, голова, а голова в любом возрасте варит одинаково.

— Теперь понимаю.

Я улыбнулась.

— Хорошо. — Он поднялся. — Спасибо за то, что прие-

хали, леди Мортим. Я подумаю над вашей кандидатурой и сообщу о решении лично. Если выбор будет в вашу пользу, я пришлю записку на адрес вашего отца.

Я встала тоже.

— Спасибо, ваше сиятельство.

— Я провожу вас.

— Не нужно.

— Я настаиваю.

Он обошел стол.

И тут произошло то, что я потом еще долго прокручивала в голове.

Я повернулась к двери. Он шагнул рядом, чтобы открыть мне ее. И в эту секунду наши руки сошлись у ручки. Не нарочно. У него ладонь была вытянута к двери, у меня уже легла на ручку. И его пальцы коротко, на одно мгновение, легли поверх моих.

Меня прошило с головы до пят.

Не больно. Просто горячая, нечеловеческая искра прошла от ладони вверх по локтю, в плечо, в шею. И там, под глушилкой, метка полыхнула так, что я едва не вскрикнула. Кожа вдоль позвоночника покрылась мурашками. По рукам пошла волна. По плечам. По вискам.

Я отдернула руку, словно от раскаленного железа.

Мой взгляд метнулся к его лицу.

Он стоял вплотную. Дистанция сократилась до интимной, ломая все светские приличия. Я смотрела в его глаза, тщетно

пытаясь найти там привычное золото. Зрачки дракона расширились, проглотили радужку целиком и превратили глаза в два бездонных черных колодца.

Его грудь тяжело вздымалась. Воздух с шумом вырывался из его легких. Ноздри хищно раздувались, улавливая малейшие изменения в запахах.

— Леди Мортим.

Его голос упал на октаву и зазвучал утробным рыком.

— Да?

— Ваш артефакт только что треснул.

Глава 7

Мои губы дернулись в попытке изобразить вежливую улыбку. Получилось, наверное, плохо, потому что зрачки графа дрогнули, и он чуть склонил голову набок, словно крупная хищная птица, разглядывающая необычную муху.

— Вам показалось, — выдохнула я.

Я даже голос свой не узнала — до того он панически скрипел.

— Леди Мортим, — голос графа стал еще ниже, а взгляд тяжелее.

— Мне пора, — быстро бросила я и дернула ручку.

Распахнув дверь, я буквально бросилась прочь. Да так резво, что меня наверное и газель бы не обогнала.

— Леди Мортим! — Зарычал дракон.

Я не обернулась.

Длинная каменная галерея вытянулась передо мной, как коридор в кошмарном сне. По бокам тянулись высокие стрельчатые окна, и в каждом стекле мелькало мое отражение: бледное лицо, темная фигура, юбки, которые я подхватила обеими руками выше колена, чтобы не споткнуться у первой же ступени.

— Леди Мортим, остановитесь! — властно приказал граф.

Кажется, я даже слышала его тяжелые шаги за спиной, и

останавливаться категорически не собиралась.

Мраморная лестница встретила меня скользкими ступенями. Я бежала по ней почти боком, намертво вцепившись в перила. Краем сознания я отметила, как недоуменно вытягивают шеи двое служащих в холле. Сверху, с площадки, донесся приглушенный голос секретаря:

— Ваше сиятельство, всё в порядке?

Но граф ничего не ответил. Я вылетела на середину холла, проскочила мимо застекленных витрин с артефактами и навалилась плечом на тяжелую дубовую створку парадной двери.

Привратник у ворот успел лишь удивленно приоткрыть рот.

Свежий осенний воздух ударил в лицо. Я с благодарностью втянула его полной грудью. Серый промышленный двор слегка поплыл перед глазами. У кованой ограды нетерпеливо переминался нанятый мной извозчик, и я метнулась к карете, на ходу выкрикивая:

— На улицу! Любую!

— Простите, леди... — растерялся извозчик.

— Просто трогайте! — взмолилась я, запрыгивая в кабину. — Прошу вас, скорее!

Извозчик ничего не понял, но спорить не стал. Лошадь развернулась, дверца громко хлопнула, и колеса застучали по брусчатке. Я рухнула на сиденье, как мешок с мукой, больно ударившись затылком о деревянную обшивку. Дыха-

ние разрывало грудь. В ушах стоял тяжелый гул.

Сердце колотилось у самого горла.

Я крепко зажмурилась, мысленно сосчитала до пяти и заставила себя выдохнуть медленно, через сжатые губы. Так учил делать папа в детстве, когда я слишком увлекалась вычерчиванием сложных рун и от напряжения забывала дышать. Не помогло.

Тогда я дрожащими пальцами отдернула край плотной шторы и прижалась лбом к мутному стеклу.

Мы ехали по широкому проспекту, мимо тянулись бесконечные кирпичные склады. В самом конце аллеи, у парадного фасада конторы, я разглядела высокую темную фигуру. Граф стоял на верхней ступени крыльца. Без пальто, в одном костюме. Рассмотреть выражение его лица с такого расстояния было невозможно.

Дракон стоял и смотрел нам вслед.

Карета свернула за угол, здания перекрыли обзор, и я наконец отпустила штору.

— Ох... — простонала я.

Я медленно сползла по кожаному сиденью и закрыла лицо руками. Я сидела так, наверное, целую минуту, пытаюсь прийти в себя. Под пальцами щеки горели, словно я провела час у раскаленной плавильной печи. Сами ладони, наоборот, стали ледяными. Метка на шее ныла глухо и тупо, как ушибленное колено наутро после сильного падения.

Артефакт треснул. Надеюсь, он не увидел. Не должен был.

Я мысленно прокрутила тот момент у двери. Прикосновение, мощный разряд, прошедший от моих пальцев к шее. Это было что-то невероятное.

Кристалл-накопитель в моей глушилке уже был поврежден микротрещиной после вчерашнего случая с вороном. При таком внезапном всплеске энергии от прикосновения дракона трещина наверняка пошла дальше, разрушая основные потоки. Это означало, что защитное поле сейчас на ладан дышит, пропуская магию наружу.

Я прижала ладонь к шее и через ткань платья нащупала металл. Тонкая пластинка казалась теплой. Уже не раскаленной, как пару минут назад в кабинете, а просто согретой, словно забытая на солнце монета.

Так. Нужно расслабиться и включить голову. Гормоны голове не товарищ.

Я заставила себя выпрямиться, одернула смятые юбки, поправила сбившийся воротничок и пригладила растрепавшиеся волосы. Руки дрожали так сильно, что пришлось сцепить их в замок и зажать между коленями.

В голове крутилась стая бестолковых, панических мыслей. Что именно он понял? Насколько четко он это ощутил? Как вообще работает чутье драконов: они мгновенно узнают конкретно свою истинную пару, или просто чувствуют мощную чужую магию вблизи? Хотя кого я обманываю. Он прекрасно знал, какая магия должна исходить от человека, на которого ляжет его печать.

Я до хруста сжала пальцы.

Ладно. Без паники. Будем работать с фактами. Он почувствовал всплеск. Была секунда замешательства, во время которой я успела сбежать. Возможно, у него закрались сомнения. Вдруг ему показалось? Случайные магические эманации в промышленных районах — не редкость. У драконов невероятно тонкое чутье, но даже они не застрахованы от ошибок. В книгах по драконологии я не встречала точных описаний таких ситуаций, но логика подсказывала: один раз в огромном, переполненном магией городе ошибиться вполне реально.

Хотя, кого я обманываю?

Но в любом случае будет правильно больше никогда не появляться рядом с ним. Ни при каких обстоятельствах.

Я мысленно дала себе эту клятву, и от четко принятого решения стало немного легче. Никаких повторных визитов в контору. Никаких светских приемов, где есть шанс столкнуться нос к носу. Столица огромна, в ней живут сотни тысяч людей. Спрятаться — проще простого.

Внутренний голос ехидно заметил: «Не тогда, когда он близко знаком с твоим отцом»

— Проклятье...

Карета мерно подпрыгивала на ухабах, лошадь шла спокойной рысью. Я снова приоткрыла шторку.

Мы выехали в респектабельный, нейтральный квартал с широкими улицами, банками и торговыми домами. Я узнала

перекресток, на котором извозчику нужно свернуть направо, если везти меня напрямиком домой.

Но домой сейчас было нельзя.

Папа уже должен был вернуться из лавки, и при моем появлении в таком растрепанном, бледном виде немедленно поднялась бы паника. Варида тут же вызвала бы лекаря, тот диагностировал бы «нервное истощение» и заставил бы меня пить горькие успокоительные капли. Лишнее внимание мне сейчас вообще ни к чему.

Я громко постучала по деревянной стенке кабины.

— Любезный! — окликнула я кучера.

— Слушаю, леди, — отозвался он.

— Поворачивайте на Эссертову улицу. Мне нужно к аптеке старого Меерсона.

— Слушаюсь.

Извозчик щелкнул языком, меняя маршрут. Я снова откинулась на спинку. Решение пришло само собой и принесло нужное облегчение — у меня появилась конкретная, понятная цель, требующая концентрации. Заодно заберу камни, которые аптекарь отложил для меня в прошлый раз. Парные украшения всё равно нужно сделать.

Воспоминания о будущих подарках помогли переключить мысли. Я живо представила себе изящные серьги-бабочки на ушах Алифанты. Их голубые эмалевые крылышки будут слегка подрагивать в такт её смеху. Затем представила тяжелого, солидного лакированного жука на жилете Клэйда. Про-

крутила в уме все технические тонкости.

Мысли послушно выстроились в ровный ряд.

Паника отступила. Десять лет работы в собственной лаборатории научили меня главному правилу: когда душа кричит от ужаса, заставь мозг решать математические или инженерные задачи. Считай пропорции, рисуй чертежи, планируй температуру плавления. Мозг успокоит расшатанные нервы гораздо быстрее любых лекарств.

К моменту, когда колеса кареты застучали по тесной брусчатке Эссертовой улицы, я выглядела вполне прилично. Дыхание выровнялось, руки больше не дрожали.

Я выглянула в окно. Узкая улочка была полупустой. Лишь у дверей лавки травницы стояли две женщины с плетеными корзинами, горячо обсуждая что-то шепотом. Заведение часовщика на углу почему-то было закрыто, а на дверь опущена латунная задвижка. Впрочем, до чужого расписания мне сейчас не было дела.

— Ожидаю здесь, леди? — крикнул извозчик.

— Да, пожалуйста, я быстро, — ответила я.

Я спустилась на мостовую и быстрым шагом направилась к двери аптеки. Внутри пахло так же, как и всегда: сушеным можжевельником, едкой серой и вековой травяной пылью. Из подсобки тут же вынырнул господин Меерсон. Увидев меня, аптекарь радостно заулыбался.

— Леди Дэйна! А я уже вас заждался, — приветливо сказал он.

— Здравствуйте, господин Меерсон, — кивнула я, подходя к прилавку.

— Знаете, какая удача, что вы зашли именно сегодня? — Он довольно потер сухие ладони. — Тот хризолит, что вы просили отложить, я едва не продал. Минут двадцать назад сюда заглядывала графиня Бленнар — вы ее знаете, та самая дама, что вечно скупает магические побрякушки. Она так вцепилась взглядом в этот камень, что у меня сердце екнуло. Но я твердо заявил, что вещь уже забронирована.

— Спасибо вам большое, вы меня очень выручили.

— Что вы, что вы. Своих постоянных клиентов мы не обижаем, — отмахнулся Меерсон. Аптекарь нагнулся под прилавок и вытащил маленький бархатный мешочек. — Вот, прошу. Два кристалла хризолита из одной партии. А еще я нашел на складе второй аквиант, специально для вас отложил. Идеальная пара.

Я приняла мешочек и осторожно высыпала камни на черный прилавок. Хризолиты лежали рядом, как две капли воды, мерцая ровным золотистым дымком в своей сердцевине. Аквианты переливались нежным голубым светом, напоминая прозрачные стрекозиные крылья. Я провела подушечкой пальца по поверхности каждого кристалла, проверяя их на микроскопические сколы. Работа природы была безупречной. Ни единой царапины.

— Еще раз спасибо, господин Меерсон, — удовлетворенно сказала я. — Это именно то, что мне нужно.

— А что мастерить-то изволите? — поинтересовался старик.

— Подарки друзьям.

— Друзьям, говорите? — Старик лукаво прищурился. — А не какому-нибудь удалому суженому?

Я заставила себя искренне улыбнуться.

— И ему тоже достанется.

— Ну, тогда все ясно, — рассмеялся аптекарь. — Камень-то хитрый. Я же вижу, для каких целей вы берете идеально настроенную пару. Это не для красоты, это для тонкого магического дела.

Я выложила на прилавок монеты, добавив немного сверху в знак благодарности за то, что он не поддался уговорам богатой графини. Меерсон для приличия замахал руками, но я мягко настояла, и в итоге мы оба остались довольны сделкой. Я уже собиралась попрощаться, когда вдруг вспомнила важную деталь. Для серег Алифанты мне нужны были крошечные подвижные шарниры, а в моих домашних запасах не осталось ни одного.

— Господин Меерсон мне нужны еще три капли слезы василиска, и у вас, случайно, не найдется готовых микрошарниров? Самых тонких, для ювелирной сборки.

— Микрошарниров? — он задумчиво поскреб подбородок. — Увы, барышня, это не по моей части. За таким добром вам нужно на улицу Лекерова, в лавку «Тонкая ось». Это всего три квартала отсюда, сразу за каменным фонтаном.

— Поняла. А ингредиенты для работы с металлом есть?
— спросила я. — Мне нужен порошок для качественного эмалирования. Цвет — мягкий голубой тон.

— На кобальтовой основе? — деловито уточнил он.

— Желательно с медной примесью, — добавила я. — Чтобы при постоянной магической нагрузке цвет со временем не темнел.

Меерсон уважительно покачал головой.

— Грамотный подход. Кобальт-медная пастель у меня есть, всегда держу небольшой запас для мастеров. Сколько вешать?

— Десять граммов будет достаточно.

— Сей момент, я все принесу.

Он снова скрылся за пыльной занавеской подсобки. Я осталась стоять у прилавка, разглядывая бесконечные ряды склянок. Знакомый, веками не меняющийся порядок, аккуратные бумажные ярлычки, успокаивающий горьковатый аромат трав в воздухе. Это был маленький островок стабильного, безопасного мира.

На секунду мне отчаянно захотелось остаться здесь навсегда. Попроситься к старому аптекарю в помощницы, целыми днями перебирать пузырьки и больше никогда не выходить на шумные столичные улицы.

Глупая, наивная мысль. Я мотнула головой, прогоняя минутную слабость.

Меерсон вынес маленькую фарфоровую баночку с при-

тертой крышкой, аккуратно завернутую в плотную бумагу и три маленьких пузырька со слезой. Лучше иметь прозапас, да и есть у меня одна идея для усиления артефакта.

Я еще раз расплатилась, тепло попрощалась и вышла на улицу. Дверной колокольчик звякнул весело и беззаботно, словно пытался убедить меня, что этот день был самым обычным.

Извозчик тут же спрыгнул с козел, открывая дверцу кареты.

— Куда теперь прикажете, леди? — спросил он.

— На улицу Лекерова. Ищите вывеску «Тонкая ось», — распорядилась я.

— Слушаюсь!

Мы неспешно покатали по гулким, извилистым переулкам. Я смотрела в окно, скользя взглядом по проплывающим мимо кирпичным стенам, и изо всех сил заставляла себя думать только о шарнирах. Высчитывала нужный диаметр оси и подбирала материал.

Нужно было найти такой металл, чтобы при тонкой ювелирной работе с эмалью не пришлось ставить дополнительный экранирующий контур. Сталь подойдет идеально, если она отполирована до зеркального блеска. Серебро, конечно, лучше проводит энергию, но выйдет неоправданно дорого. Латунь брать категорически нельзя — у нее есть собственное слабое поле, которое создаст помехи для кристаллов.

Решено. Беру стальные.

Несмотря на все усилия, мысли упрямо возвращались к кабинету дракона. Я ловила себя на том, что прикусываю губу до солоноватого привкуса крови, или сжимаю мешочек с камнями так сильно, что грани хризолита больно впиваются в ладонь. Заметив это, я делала глубокий вдох и силой воли возвращала разум к ювелирным задачам. Сталь. Идеальная полировка. Диаметр оси — ровно полтора миллиметра.

Лавка «Тонкая ось» оказалась полутемной комнатой, пропахшей свежей металлической стружкой и густой оружейной смазкой. Седовласый хозяин тихо беседовал с каким-то подмастерьем в глубине зала и просто кивнул мне, разрешая осмотреть витрины.

Я долго и придирчиво перебирала деревянные шкатулки с фурнитурой, прежде чем нашла нужный калибр. Крошечные стальные шарниры продавались россыпью. Я отобрала четыре идеальных экземпляра и попросила завернуть их в промасленную бумагу.

Покинув лавку, я почувствовала себя значительно спокойнее. Мой извозчик торопливо дожевывал кусок хлеба, сидя на козлах, но, увидев меня, быстро спрятал остатки еды за пазуху.

— Всё купили, леди? — поинтересовался он, утирая рот рукавом.

— Да. Теперь едем домой, — я кивнула и забралась в карету.

Я устроилась на сиденье и аккуратно разложила покупки

рядом с собой, следя за тем, чтобы при тряске камни не ударились друг о друга. Затем плотно задернула шторку и прикрыла глаза, позволяя телу расслабиться.

И в этой темноте на меня снова посмотрел зверь.

«Ваш артефакт только что треснул».

Я тяжело сглотнула подступивший к горлу ком. Пальцы сами собой потянулись к шее, нащупав под кружевом гладкую кромку спасительной пластинки. Поверхность была нормальной, человеческой температуры.

Утром я ехала на это собеседование с легким, азартным предвкушением игры, чувствуя себя хозяйкой положения. Сейчас же все внутри болело так, словно я долго и мучительно кубарем катилась по крутой лестнице. Голова гудела от напряжения, в груди образовалась холодная пустота, а мысли путались и спотыкались.

Карета мягко затормозила.

— Прибыли, леди, — крикнул извозчик.

— Благодарю.

Я щедро расплатилась с извозчиком и спустилась на знакомый тротуар. Несколько секунд я просто стояла и смотрела на родной фасад нашего дома, собираясь с силами, прежде чем подняться по невысоким ступеням крыльца.

Варида заботливо приняла мой плащ и сумку, тут же сообщив новости:

— Господин Бертон уже вернулись из лавки, леди Дэйна. И дважды спрашивали, дома ли вы.

— Передай папе, что я приведу себя в порядок и сразу спущусь к ужину, — попросила я горничную.

— Слушаюсь.

Я быстро поднялась по лестнице, юркнула в свою спальню и плотно закрыла дверь. Прислонившись к деревянному полотну, я сделала пару вдохов, а затем решительно подошла к большому зеркалу. Оттуда на меня смотрела бледная, напуганная девушка. На ее щеках горели два неестественно ярких красных пятна, словно кто-то с размаху ударил ее по лицу. Я оттянула ворот. На шее висел плоский темный диск с впаянным камушком на простом кожаном шнурке. С виду — дешевая безделушка. Ни один человек в здравом уме не заподозрил бы, что этот кусок меди скрывает брачную метку одного из самых могущественных драконов столицы.

Я осторожно развязала узел, сняла артефакт и поднесла его поближе к яркой масляной лампе.

Рассмотреть повреждения удалось даже без лупы. Вчерашняя крошечная микротрещина, оставшаяся после инцидента с вороном, теперь расползлась через всю боковую кромку меди и глубоко ушла к центру, прямо к камню. Сам кристалл-накопитель помутнел настолько, что стал похож на кусок грязного льда. Магическое плетение внутри еще держалось на честном слове, но было очевидно: долго оно не протянет. Поле рухнет в любой момент.

Я устало потерла переносицу. Значит, сегодня вечером придется отложить все дела и собирать новую глушилку.

Повесив поврежденный артефакт обратно на шею, я наскоро поправила прическу. Затем обильно припудрила лицо, чтобы скрыть болезненные красные пятна на скулах, и спустилась в столовую.

Папа уже сидел во главе длинного стола. Отложив свежую газету, он тепло улыбнулся моему появлению.

— Ну, как все прошло? — спросил он.

Я спокойно опустилась на свой стул и привычным жестом расправила льняную салфетку на коленях. Дирэл бесшумно подошел сбоку и поставил передо мной тарелку с ароматным, золотистым бульоном. Я взяла ложку и начала медленно гонять жидкость по кругу, собираясь с мыслями.

— Я была там, папа, — наконец ответила я.

— И каковы впечатления?

— Я отказалась от этой идеи.

Отец замер. Он не торопясь, очень аккуратно положил вилку на край своей тарелки, выпрямил спину и внимательно посмотрел на меня. В его светло-зеленых глазах, так похожих на мои собственные, мелькнула искренняя растерянность.

— Подожди-ка. В смысле — отказалась? — переспросил он.

— В прямом, папа.

— Дэйна... — он растерянно покачал головой.

— Папа, послушай меня, — я подняла на него твердый взгляд.

Он, должно быть, прочитал в моем лице отголоски пережитого волнения, потому что сурово нахмурился и подался вперед.

— Что там случилось? Граф позволил себе грубость? Он чем-то тебя обидел?

— Что ты, нет, конечно, нет! — Я торопливо замахала ложкой, едва не расплескав горячий бульон на скатерть. — Граф был предельно корректен и вежлив. Задавал сложные, серьезные вопросы по специальности, внимательно выслушивал мои ответы. Расспрашивал о теории. Дело совершенно не в нем.

— А в чем тогда дело? — непонимающе сдвинул брови отец.

Я положила ложку обратно, подперла подбородок ладонью и постаралась, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее и увереннее. Никто в этом мире не должен был догадаться о том, почему я на самом деле вылетела из конторы как ошпаренная.

— Папа, я просто поняла, что это не мой уровень, — мягко начала я. — Фабрика графа занимается проектами третьего уровня сложности. Там нестандартные задачи, государственные массовые заказы, огромная ответственность. Я сидела в этом роскошном кабинете, слушала условия и понимала, что абсолютно не готова. Я еще даже академию не закончила! Половину из того, что они там делают, я даже в теории не згаю.

Отец задумчиво молчал, слушая меня.

— Папа, это правда, — продолжила я, старательно выстраивая свою ложь. — У него там работают специалисты с двадцатилетним стажем. А я бы только путалась под ногами и ломала дорогое оборудование. Поэтому я предпочла отказаться сразу, чтобы не позориться. Я просто сказала ему, что не готова, вежливо извинилась и ушла.

В столовой повисла тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем напольных часов.

— Девочка моя, — наконец тяжело вздохнул отец, — ты слишком строга к себе. Я больше чем уверен, что Сайс заинтересовался тобой именно из-за твоего свежего, незашоренного взгляда на вещи. Опыт — дело наживное.

— Может быть, — я виновато пожала плечами. — Но поверь, это не мое. По крайней мере, не сейчас. Пусть пройдет год или два, я наберусь практики, и тогда, возможно, попробую свои силы в чем-то масштабном.

Он обдумывал мои слова. Я следила за выражением его лица, и на душе скребли кошки от необходимости врать. У папы был тот особенный, мягкий и добрый излом бровей, который всегда появлялся, когда он хотел меня поддержать. В далеком детстве он точно так же смотрел на меня, когда я падала с пони.

— Хорошо, — произнес он, принимая мою версию. — Твоя жизнь — тебе и решать. В конце концов, отказ от должности — это не приговор и не конец света. У тебя впереди

еще целая жизнь предложений от других фабрик будет вдоволь.

— Спасибо, что понимаешь меня, — я с облегчением выдохнула.

— Но ты постарайся не расстраиваться. Я же вижу, что ты сама не своя. Наверное, тебе далось нелегко сказать «нет» такому влиятельному человеку.

Я благодарно кивнула.

— Да, тяжело было.

— Хочешь, я завтра сам напишу графу вежливое письмо? — предложил отец. — Объясню ситуацию подробнее, чтобы тебе не пришлось мучиться над формулировками?

— Не нужно, папа, я справлюсь сама, — я снова взялась за ложку. — Спасибо, что не сердишься.

— Дочка, на тебя сердиться — это никаких душевных сил не хватит. Ешь давай, остынет.

Дирэл незаметно сменил тарелки, подав горячее второе блюдо. Какое-то время мы ели в полном молчании. Эта тишина не была тягостной или неловкой; она окутывала нас привычно и мягко, как старый шерстяной плед. Я механически жевала мясо и проглатывала куски, хотя совершенно не чувствовала вкуса еды.

Где-то в середине ужина я отодвинула тарелку.

— Папа.

— Да? — он оторвался от своей порции.

— Разрешешь мне сегодня вечером и завтра поработать

в твоей личной мастерской?

Он удивленно вскинул светлые брови.

— А что ты там задумала?

— Хочу сделать Алифанте и Клэйдю подарки, — непри-
нужденно ответила я.

— В честь какого праздника?

— Без особого повода. Просто давно хотелось сделать ка-
кую-нибудь тонкую вещь своими руками. Заодно поупраж-
няюсь в ювелирной сборке, мне это полезно.

Папа усмехнулся уголком губ.

— А я-то, старый дурак, переживал, что у моей дочери
на уме одна сухая академическая теория. А ты, оказывается,
втихаря тянешься к практической работе руками.

Я тоже невольно улыбнулась.

— Кровь не водица.

— И в кого ты только такая скромная выросла — ума
не приложу! — Он весело покачал головой и отрезал при-
личный кусок жаркого. — Конечно, работай, кто же тебе за-
претит. Ключ лежит на привычном месте, ты знаешь. Толь-
ко предупреди Грегори, когда пойдешь. Скажи, что я лично
разрешил, чтобы старик не хватался за ружье, если услышит
ночью подозрительный шум со стороны мастерской.

— Обязательно предупрежу, спасибо.

— И вот еще что, — он шутливо погрозил мне вилкой. —
Не засиживайся до самого утра. Это вредно.

— Хорошо, папа.

— Сиди максимум до полуночи. А потом марш в кровать.

— Договорились.

Папа лукаво подмигнул мне и снова развернул газету, погружаясь в столичные новости. Я, так и не притронувшись к сладкому десерту, поднялась из-за стола.

— Дэйна, — неожиданно позвал он.

Я обернулась уже в дверях столовой.

— Если у этого графа случилось что-то еще... что-то, о чем ты боишься мне рассказать — ты ведь признаешься?

— Папа, там правда не произошло ничего страшного, — я улыбнулась ему так искренне, как только смогла. — Просто я поняла, что это не мое место.

Он понимающе покачал головой и махнул рукой, отпуская меня.

Я отправилась прямым ходом в мастерскую, даже не став подниматься в свою комнату. В маленькой смежной прихожей я скинула нарядное верхнее платье, аккуратно повесила его на плечики. Из шкафа для рабочей одежды достала папин старый плотный фартук, надежно повязала волосы косынкой, чтобы не мешали, и тщательно вымыла руки с мылом в фарфоровом тазу.

Первым делом я достала из нижнего ящика чистую медную пластину. Как и планировала, мне пришлось наскоро вырезать новый экранирующий контур и повторить процесс создания нового артефакта. Последним штрихом была слеза василиска и мысли, что нужно придумать, как модифициро-

вать артефакт, чтобы подобного не повторилось.

Сняв старый и надев новый артефакт на шею, я почувствовала, как тягучее жжение метки утихает, я смогла наконец выдохнуть. Только обезопасив себя, я разложила на верстаке покупки от Меерсона.

Огромный, пугающий мир сжался для меня до площади старой деревянной столешницы. Я взяла перо и набросала первый эскиз серег-бабочек на куске плотной восковой бумаги. Изящные крылышки выходили из-под грифеля ровными, уверенными линиями. Я рисовала по старой памяти, вспоминая ту самую богатую графиню из моей прошлой жизни, для которой когда-то собирала похожий гарнитур.

У той заказчицы была копна рыжих волос и васильковые глаза. А сейчас под моим пером рождались другие формы, идеально подходящие для Алифанты — для ее светлой кожи, каштановых локонов и ясной голубизны глаз.

Ближе к ночи, увлекшись пайкой, я почти забыла про утренний кошмар с драконом. Почти.

Лишь пару раз, когда металлический штихель издавал особенно резкий, царапающий звук по серебру, я вздрагивала. В такие моменты я вдруг осознавала, что у меня сводит пальцы судорогой от того, с какой нечеловеческой силой я сжимаю рукоятку инструмента. Приходилось откладывать работу, разжимать кисть, подолгу сгибать и разгибать уставшие пальцы. Сделав несколько глубоких вдохов, я снова возвращалась к чертежам.

Тяжелый колокол на дальней городской башне гулко пробил полночь. Я послушно отложила штихель, как и обещала отцу. Внимательно оглядела эскизы и разложенные по ячейкам заготовки. Бабочка пока существовала только в виде красивого рисунка на бумаге. До воплощения этих серег в металле оставалось еще несколько вечеров кропотливой, ювелирной работы.

Что касается броши в виде жука для Клэйда, то она и во все оставалась лишь размытой идеей — я пока даже не определилась с идеальной формой зеленого панциря.

Что ж, торопиться некуда. Время у меня есть. Я аккуратно загасила лампу, дважды проверила замок на двери мастерской и тихо поднялась по темной лестнице в свою спальню.

Следующий день в залах академии тянулся невыносимо медленно и вязко, напоминая загустевшую на холоде смолу. Лекции сменялись перерывами, затем был скучный обед в студенческой столовой, где я намеренно села за самый дальний столик в компании Виеры.

Я слушала преподавателей вполуха, конспектируя материал чисто автоматически, вытаскивая формулы из глубин памяти прошлой жизни. Алифанта сидела на скамье через два места от меня. Время от времени она бросала в мою сторону долгие, оценивающие взгляды, которые сама, вероятно, считала очень скрытными и незаметными.

После последней пары я уже закинула сумку на плечо, планируя скрыться в тишине библиотеки, когда у самого вы-

хода из корпуса меня окликнул знакомый бархатный голос.
— Дэйна.

Я остановилась и медленно обернулась.

Клэйд стоял, небрежно привалившись плечом к мраморной колонне. Эта непринужденная, слегка расслабленная поза делала его фигуру особенно картинной и привлекательной. Его светлые, слегка вьющиеся волосы были безупречно зачесаны, дорогой серый плащ идеально сидел на широких плечах. Голубые глаза смотрели на меня с привычной, мягкой и бесконечно преданной нежностью. В прошлой жизни я всегда таяла от этого взгляда, как воск.

— Клэйд. Здравствуй.

— Прогуляешься со мной немного? — предложил он, подходя ближе.

— Прямо сейчас? Понимаешь, у меня масса... — начала было я, планируя отказаться.

— Всего полчаса. Прошу тебя, Дэйна. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Да, я помню, что ты отменила нашу встречу в городе из-за дел, но удели мне хотя бы немного времени здесь. Я почти не виделся с тобой на этой неделе неделю. Начинаю чувствовать себя брошенным и забытым ухажером.

Я на секунду задумалась, взвешивая риски. С одной стороны, у меня действительно было полно работы в мастерской. С другой стороны, грубый отказ прямо здесь, на глазах у десятков проходящих мимо адептов, выглядел бы слишком

вызывающе.

Мне сейчас категорически не хотелось привлекать к своей скромной персоне лишнее внимание. Безумные слухи о моем персональном приглашении к графу Сайсу и так не утихали, обрастая все новыми, нелепыми подробностями. Если я прилюдно отошью завидного жениха, это подбросит дров в костер сплетен еще на месяц вперед.

— Хорошо. Полчаса, — согласилась я.

— Замечательно, — просиял Клэйд.

Он галантно подставил мне согнутый локоть, и я привычно оперлась на его руку. Мы вышли в академический сад, и осенний ветер тут же неприятно холодил кожу, забираясь под воротник плаща.

По обе стороны широких гравийных дорожек тянулись ухоженные клумбы с увядающими, поникшими астрами. Чуть дальше начиналась старая липовая аллея, где на черных, влажных ветвях еще отчаянно держались последние желтые листья.

— Как прошел твой зачетный реферат? — поинтересовался Клэйд, когда мы неспешно пошли по аллее.

— Сдала без проблем. Алеваро поставил высший балл, — коротко ответила я.

— Высший балл? — Клэйд чуть нахмурился, хотя его губы продолжали улыбаться. — Дэйна, я, конечно, рад за тебя, но стоило ли оно таких жертв? Ты совсем бледная из-за этой зубрежки. Твой отец, наверное, тоже переживает. Не забы-

вай, что для будущей жены здоровье и свежий цвет лица куда важнее академических оценок старого Алеваро.

А вот и очередная манипуляция в копилочку намерения оставить меня без диплома.

— Я просто хочу максимально сосредоточиться перед грядущими экзаменами.

— Это похвально. Но когда же мне с тобой видеться, если ты постоянно от меня прячешься за книгами? — с легким укором спросил он.

Я предпочла промолчать. Клэйд осторожно накрыл мою ладонь, лежащую на его локте, своей теплой рукой. Это прикосновение было бережным. В прошлой жизни такие нежные жесты заставляли мое сердце радостно и сладко замирать в груди, а сейчас я чувствовала себя так, будто ко мне ползла ядовитая змея.

Сейчас же я думала только о почерневших глазах дракона. О тех самых бездонных колодцах, что застыли передо мной в его кабинете. О том жутком моменте, когда внутренний зверь почуял меня, как свою истинную.

— Дэйна, — позвал он.

— Да? Что такое? — я вздрогнула.

— Я задаю тебе вопрос уже в третий раз, — вздохнул Клэйд.

— Ох, прости. — Я растерянно моргнула, выныривая из воспоминаний. — Я глубоко задумалась. О чем ты спрашивал?

— О том, как странно ты на меня смотришь. Вернее, о том, что ты вообще перестала на меня смотреть, — его голос стал обиженным.

Я повернула к нему лицо. Клэйд остановился, глядя на меня очень внимательно. Он чуть склонил светлую голову, и в его глазах появилось выражение мягкой обиды, которое в прошлой жизни действовало на меня безотказно.

— Извини, правда. Я просто задумалась о структуре реферата по активным эссенциям, — солгала я.

— О реферате. Вот как. — Он едва заметно прищурился. — Знаешь, Дэйна, ты в последнее время стала вести себя, как чужачка.

— Чужачка? — насторожилась я.

— Не могу точно объяснить. Ты стала гораздо холоднее. Серьезнее. Слишком сосредоточенной на себе, что ли.

— Скоро экзамены, Клэйд.

— До их начала еще долгих пять месяцев.

Я устало пожала плечами.

— Ты же и сам понимаешь, что нужно готовиться.

Он замолчал, продолжая буравить меня взглядом.

И в этот самый момент я мысленно одернула себя, словно окатив ледяной водой. Я смотрела в эти пронизательные голубые глаза, такие до боли знакомые, такие любимые когда-то, и холодный рассудок взял верх над эмоциями.

Я ведь могу просто сказать, что хочу закончить общение... И тогда это все прекратится?

Я снова посмотрела на Клэйда. Внимательно. И нет, не прекратится, я же понимаю, что он не отстанет от меня и будет просто искать рычаги давления вместо манипуляций.

Но хуже всего было другое — мой план с парными артефактами просто рухнет в бездну. Если мы расстанемся сегодня со скандалом, он из гордости ни за что не примет от меня в подарок ту сложную брошь с зеленым жуком.

А я ведь так старательно высчитывала резонансные частоты хризолитов, чтобы эти двое незаметно притянулись друг к другу чуть раньше и показали всему миру свои истинные лживые лица!

Нет, Дэйна, еще рано. Слишком рано рубить концы. Я должна довести их до справедливого финала.

— Дэйна? Что с тобой? — забеспокоился Клэйд.

— Просто... я просто очень устала. Прости меня за невнимательность, — тихо произнесла я.

Слова легко и послушно скользнули в безопасную колею и вдруг задумала, что стала слишком много лгать и оправдываться.

Я опустила ресницы, мастерски изображая покорность.

— Давай я отвезу тебя домой, — мягко и покровительственно предложил Клэйд.

Мы покинули аллею, вышли за ворота академии, и Клэйд усадил меня в наемный экипаж. Всю дорогу до моего дома он увлеченно рассказывал какие-то сплетни про новую лекцию профессора Юста, а я послушно и невпопад кивала. Один

раз он попытался осторожно накрыть мою ладонь своей рукой, но я мягко высвободила пальцы под благовидным предлогом — нужно было поправить съехавшую шляпку. Клэйд сделал вид, что ничего странного не заметил.

У крыльца моего дома он, как истинный джентльмен, помог мне спуститься по ступеньке экипажа и проводил до самых входных дверей.

— Дэйна, — задержал меня за руку он.

— Да?

Клэйд уверенно сжал мои пальцы. Поднес к своим губам. И очень медленно, с чувством поцеловал тонкую кожу на тыльной стороне ладони. Я невольно подняла на него глаза. И внутренне содрогнулась.

В этих прозрачно-голубых глазах, неотрывно нацеленных прямо в мои, мелькнуло что-то пугающее. Что-то, чего я в силу своей наивности никогда не замечала в прошлой жизни. Его взгляд был прямым и цепким, но совершенно равнодушным. Кажется, даже у дракона во взгляде было больше желания обладать мною. Неужели, будучи замужем за Клэйдом, он никогда не смотрел на меня с желанием?

Я моргнула, пытаясь отбросить эту мысль, и сравнение с драконом мгновенно исчезло.

Но мерзкий осадок остался.

— До завтра, родная, — прошептал он.

— До завтра, Клэйд, — ровно ответила я.

Я взбежала по каменным ступеням крыльца, даже не

обернувшись на прощание. Влетев в прихожую, я стащила с плеч пальто и сунула ее в руки опешившей Вариде.

Чудом не выронив тяжелую сумку с книгами, я почти бегом преодолела лестничные пролеты и закрылась в своей спальне.

Вся следующая неделя пролетела как в густом, сером тумане. По утрам я исправно уезжала в академию. В первый же день по пути на занятия я заскочила к Меерсону за новой порцией василисковой слезы, и тем же вечером окончательно стабилизировала свою наспех собранную глушилку, чтобы больше не переживать о ее надежности. На лекциях старалась держаться поближе к умной и прагматичной Виере, а в долгих перерывах пряталась то в архивах библиотеки, то в самом глухом углу сада, за старой, поросшей мхом статуей мастера Тевины.

Алифанта дважды пыталась подсесть ко мне за парту, но оба раза я под благовидными предлогами собирала вещи и уходила. В первый раз сослалась на срочную необходимость проконсультироваться со строгим Магрансом, во второй — выдумала проблему с расчетом эссенций.

Подруга демонстративно дулась. Я краем глаза замечала, как каменеет ее миловидное личико, когда я в очередной раз ускользаю от разговора. И, признаться честно, это доставляло мне какое-то странное, извращенное, прохладное удовлетворение.

Клэйд тоже не оставлял попыток перехватить меня в ко-

ридорах. Но я на все его предложения монотонно отвечала, что сутками готовлюсь к сложнейшему зачету по резонансам и буду абсолютно недоступна для прогулок до самых выходных. Он мягко и ласково настаивал, я так же мягко и непреклонно отнекивалась. Так мы и топтались на месте всю неделю.

Свои вечера я безраздельно посвящала отцовской мастерской, засиживаясь над артефактами до самой полуночи.

Подарки потихоньку обретали законченную форму. Я ювелирно выгнула тончайшую серебряную проволоку, создав каркас изящных крыльев. Припаяла стальные микрошарниры так виртуозно, что невооруженным глазом заметить их было почти невозможно. На каждое крыло бабочки я нанесла несколько слоев нежно-голубой эмали, добиваясь идеального глянца.

Парные хризолитовые вставки, предназначенные для основания крылышек, пришлось долго и нудно обтачивать алмазным надфилем, чтобы они безупречно, без зазоров вписались в подготовленные гнезда. Затем каждый кристалл был бережно окружен кружевом из тончайшей серебряной филигрانی.

С мужской брошью в виде жука пришлось повозиться гораздо дольше. Массивный зеленый панцирь требовал многослойного нанесения эмали с обязательной подложкой из медной примеси. Только так при постоянной магической нагрузке цвет давал ту самую благородную, глубокую темную

зелень с богатым золотистым отливом.

На крепление шести лапок ушли отдельные крошечные шарниры — благодаря им лапки слегка подрагивали при ходьбе, добавляя механическому насекомому жутковатой живости. Сложнее всего оказалось правильно разместить голубой аквиант у изголовья жука. Я раз десять пересчитывала векторы, чтобы он давал правильный поток энергии, обеспечивая идеальный контакт с аурой.

К вечеру среды парные украшения были почти готовы. Оставалось лишь отполировать последние штрихи, активировать скрытое плетение и протестировать связь камней на расстоянии.

А в четверг утром пришло письмо. Дирэл чинно подал его мне на серебряном подносе прямо во время завтрака. Дорогой конверт из плотной кремовой бумаге был запечатан темно-красным воском. На печати красовалось кольцо с тремя пересекающимися линиями. Личный герб рода Сайс.

У меня во рту моментально пересохло. Сердце предательски ухнуло вниз. Папа удивленно поднял светлые брови, поверх края газеты разглядывая герб.

— Интересно. От кого депеша? — поинтересовался отец.

— От графа, — я положила нераспечатанный конверт рядом со своей тарелкой, стараясь, чтобы пальцы не дрожали.

— Ну так открой, не томи.

Я медлила, тупо разглядывая сургуч.

— Дочка, смелее, — подбодрил он.

Я глубоко вздохнула, взяла столовый нож для бумаги и аккуратно подрезала печать. Внутри обнаружился всего один лист дорогого, плотного пергамента. Текст был исписан четким, уверенным мужским почерком с легким наклоном вправо. Никаких вензелей, строго и по делу.

«Леди Мортим, Приношу извинения за беспокойство. Я ожидал Вашего повторного визита в мою контору, однако его не последовало. Будучи человеком, привыкшим ценить чужое время, я не намерен излишне настаивать на сотрудничестве. Тем не менее, я оставляю за Вами возможность лично обсудить условия предлагаемой должности подмастерья. Приглашаю Вас посетить мою контору в любое удобное для Вас время на следующей неделе. Уверяю, наша беседа займет не более получаса. С неизменным уважением, Граф А. Сайс»

Я вчиталась в сухие строчки дважды, пытаюсь найти скрытый подтекст.

— Ну, что там? — не выдержал папа, откладывая газету в сторону.

— Он прислал повторное приглашение, — выдохнула я.

— Вот видишь! — Отец воодушевленно подался ко мне через стол. — Дэйна, это же просто замечательный знак! Сайс умеет уговаривать дипломатично, без грубого давления. И, прошу заметить, он пишет тебе лично, а не через своего секретаря, как это принято.

— Папа...

— Что «папа»?

— Я ведь уже объясняла: я отказалась от этой затеи.

— Ну так возьми и передумай! — всплеснул руками отец.

— Девочка моя, послушай умных людей: такие щедрые приглашения редко повторяют дважды. Это прямое доказательство того, что граф разглядел в тебе настоящий, редкий потенциал. Не зарывай талант в землю из-за девичьих страхов.

Да не потенциал он во мне разглядел, а истинную.

Я аккуратно сложила пергамент вдвое и положила его на скатерть.

— Нет, папа. Я никуда не пойду. — Мой голос звучал твердо и ровно, хотя для этого пришлось приложить немало усилий. — Я уже все для себя решила. Сегодня же напишу ему вежливый ответ и закрою этот вопрос навсегда.

Отец недовольно поскреб бровь.

— Ох, Дэйна, иногда ты бываешь упрямой, как твоя мать.

Свою мать я совсем не знала. Она умерла от лихорадки, когда мне было несколько месяцев.

— Должна же я была в кого-то уродиться такой принципиальной.

— Хорошо, дело твое, — он примирительно поднял руки.

— Только пиши предельно вежливо и тактично. Граф Сайс — это человек, с которым жизненно необходимо сохранить добрые отношения, даже если ты отказываешься на него работать. В столице такие связи на вес золота.

— Я прекрасно это понимаю, папа.

Сразу после завтрака я уехала на занятия в академию. Весь учебный день мысли об этом злосчастном письме лежали в моей голове тяжелым, давящим камнем.

В большой перерыв между лекциями я укрылась в библиотеке. Заняв самый дальний и тихий стол, я достала чистый лист хорошей бумаги и в течение долгих пятнадцати минут скрупулезно составляла текст ответа. Послание получилось простым, лаконичным и безупречно вежливым. Я искренне поблагодарила графа за оказанную мне высокую честь. Сослалась на острую, непреодолимую необходимость полностью сосредоточиться на учебе ради поддержания высокой академической успеваемости. И, как требовал этикет, выразила слабую надежду, что когда-нибудь в далеком будущем смогу оказаться полезной его сиятельству. Размашисто подписалась.

Вернувшись домой, я сразу же переписала черновик набе-ло красивым почерком, лично отнесла письмо на почтовую станцию и передала посыльному, не давая себе ни единого шанса на сомнения.

Вечером, закрывшись у себя в мастерской, я по привычке зажгла яркую лампу, аккуратно разложила на столе инструменты и села за верстак.

К вечеру воскресенья парные украшения были полностью закончены. Я с гордостью разложила их на черной бархатной подложке в изящной шкатулке из светлого дерева. Эту шкатулку папа подарил мне много лет назад, на мое двенадца-

тилетие. Слева лежали нежные серьги-бабочки, переливаясь в свете лампы голубым шелком эмалевых крыльев. Справа покоился массивный, тяжелый жук с матово-зеленым панцирем. В одной, точно рассчитанной точке у его головы спокойно и ровно поблескивал маленький, но мощный аквиант.

Я плавно провела раскрытой ладонью над готовой парой, вливая толику энергии и активируя скрытое магическое плетение. Камни мгновенно откликнулись мягким, пульсирующим теплом, которое я ощутила даже сквозь кожу рук.

Я мысленно прикинула радиус стабильного действия этой связки — около десяти-двенадцати шагов, не больше. Идеальная дистанция для близкого бытового общения. Когда Алифанта и Клэйд наденут эту пару одновременно и окажутся рядом, они начнут испытывать легкое, едва заметное, но навязчивое желание оказаться еще ближе друг к другу.

Возникнет необъяснимая потребность перекинуться лишним словом, бросить случайный взгляд, прикоснуться. Никакого жесткого магического принуждения. Никакого подавления или нарушения их свободной воли. Просто крошечный, изящный, едва уловимый эмоциональный толчок в нужную сторону.

А их собственная, гнилая природа сама довершит начатое. Я с легким щелчком закрыла крышку шкатулки и аккуратно перевязала ее нарядной шелковой лентой.

Утром в понедельник я встретила Алифанту и Клэйда у главных ворот академии. Эта неразлучная парочка уже сто-

яла на своем привычном месте, у основания колонны. Алифанта куталась в свой любимый, дорогой светло-голубой плащ, Клэйд был одет в элегантное серое пальто. При моем приближении оба синхронно нацепили на лица нервные улыбки. Я сразу поняла: они снова специально ждали моего прихода, но при этом изо всех сил делали вид, будто эта встреча — чистая случайность.

— Доброе утро! — первой поздоровалась я.

— Доброе, наша потерянная Дэйна! — Алифанта порывисто дернулась, чтобы обнять меня за плечи, но в самый последний момент странно сдержалась и просто взяла под руку. — Ну, как ты? Где ты пропадала от нас всю эту долгую неделю?

— Сутками сидела в библиотеке, готовилась к сложному зачету, — я ослепительно улыбнулась ей в ответ. — Кстати, не зря. У меня для вас обоих есть маленький сюрприз.

Алифанта тут же вся подобралась, напоминая породистую охотничью собаку, сделавшую стойку на дичь. Ее большие голубые глаза вспыхнули нескрываемым жадным любопытством.

— Сюрприз? Какой еще сюрприз? — затараторила она.

— Маленький и приятный. Встречаемся в обед, у большого фонтана во дворе. Приходите обязательно вдвоем.

— Ой, Дэйна, не томи! Что это?

— Узнаешь в обед.

Подруга капризно надула розовые губки.

— Ну Дэ-э-эйна! Скажи хотя бы крошечным намеком!

— Никаких намеков не будет, — отрезала я с улыбкой.

— Боже, ты просто невыносима! — всплеснула руками Алифанта.

Я невозмутимо пожала плечами.

— Я просто очень хочу, чтобы это стало для вас настоящим сюрпризом.

Клэйд все это время смотрел на меня очень внимательно, чуть склонив голову набок. Он благоразумно помалкивал, но в его прищуренных глазах читалось точно такое же острое, жгучее любопытство, что и у Алифанты, только спрятанное чуть глубже.

— Хорошо, дорогая. Мы обязательно будем, — бархатно произнес он.

— Вот и отлично, договорились, — кивнула я. — А теперь идемте в корпус.

Во время занятий Алифанта не давала мне покоя. Она то и дело придвигалась ко мне по скамье, делая смешные попытки выпытать страшную тайну.

— Дэйна, ну скажи, это какое-то украшение? Или полезная вещь? Может, это та редкая книжка, которую я искала? — шептала она мне на ухо.

— Алифанта, успокойся, — отмахивалась я.

— Ну скажи хотя бы первую букву!

— Не скажу.

— Это нечестно! Ты меня так жестоко заинтриговала, что

я теперь вообще не слышу, о чем там бормочет Кааг.

— Положа руку на сердце, ты бы и без моего сюрприза его не слушала, — хмыкнула я.

Она звонко, по-девичьи хихикнула и снова уткнулась носом в конспект. Но ровно через пять минут ее светлая макушка опять поднялась:

— Слушай, а Клэйд ты приготовила точно такой же подарок?

— Да, ему тоже сюрприз, — подтвердила я.

— Прямо совсем одинаковый?

— Нет, это парные вещи. — Я не выдержала ее напора и искренне улыбнулась.

Я наблюдала за ее живой реакцией краем глаза и невольно сравнивала с той, другой Алифантой, образ которой намертво отпечатался в моей памяти из прошлой жизни. Та, двадцативосьмилетняя Алифанта стояла в первом ряду зевак на площади. С заметно округлившимся животом, бережно спрятанным под дорогим черным траурным платьем. За все время казни она не уронила ни единой слезы. Ее плечи под тонкой кружевной тканью оставались неподвижными, как у статуи. А лицо, скрытое за траурным платком, было абсолютно каменным, лишенным малейших эмоций.

А эта, восемнадцатилетняя Алифанта, сидевшая рядом со мной на лекции, была такой живой, искренней, буквально лопающейся от распирающего ее любопытства, с очаровательными ямочками на разругавшихся щеках. Она вос-

торженно ахала, смеялась и нетерпеливо ерзала на жесткой деревянной скамейке.

И самое страшное заключалось в том, что это была одна и та же женщина. Просто эта версия еще не была отшлифована и испорчена десятью годами бесконечных интриг, предательств и лицемерного притворства.

Я смотрела на ее светящееся лицо и думала о том, насколько проще мне было бы десятью годами позже поверить в то, что эта юная, веселая девчонка способна на хладнокровную, расчетливую подлость. Намного проще, чем поверить в это сейчас, наблюдая ее неподдельный ребячий восторг.

Но я уже обладала знанием. Я точно знала, чем в итоге заканчиваются эти восторженные девичьи ахи и беззаботный, звонкий смех. Я знала, что глубоко под этими милыми, нежными жестами уже зреет совсем другое семя.

Разговор по душам, который мы могли бы вести как лучшие, неразлучные подруги в самом начале нашего пути, сейчас был физически невозможен. Невозможен ни одним искренним словом, ни одним прямым взглядом. Потому что эта лучшая подруга в любую удобную секунду перепродает мою жизнь тому, у кого окажется больше звонких монет в кошельке.

Поэтому, когда она в очередной раз склонилась к моему плечу с жалобным нытьем «ну, скажи, скажи, скажи хотя бы, какого они цвета и формы», я лишь мягко, но непреклонно

покачала головой и ответила:

— Увидишь в обед, Алифанта. Наберись терпения.

— Какая же ты жестокая женщина, Дэйна Мортим! — картинно возмутилась она.

Я тут же мысленно, горько усмехнулась этому брошенному слову. «Жестокая». В моей прошлой жизни Алифанта ни разу, никогда не назвала бы меня жестокой. Для этого я была слишком мягкой, доверчивой, податливой и бесконечно удобной. Прямо как мягкое масло на ее свежий хлеб. А сейчас стоило мне просто не выложить ей немедленно маленькую тайну сюрприза, как я тут же заслужила ярлык «жестокой».

Что ж. Бывает и так.

Третья по счету лекция была у профессора Эйрмы. Я добросовестно, строчка за строчкой конспектировала сложный материал, лишь время от времени украдкой поглядывая на стрелки часов над доской. До долгожданного обеденного перерыва оставалось чуть больше часа.

В голове я уже сладострастно прокручивала предстоящую сцену. Как мы встретимся у журчащего фонтана. Как я торжественно достану из сумки деревянную шкатулку. Как медленно развяжу шелковую ленту, откину крышку и увижу изумленные, восхищенные лица Алифанты и Клэйда.

Как они впервые, своими руками наденут эти парные, заряженные украшения. Как древняя магия камней мягко откликнется друг на друга и невидимыми нитями потянет этих

двоих навстречу. И как я, наконец-то, с чувством выполненного долга тихонько отойду в сторону, наблюдая за их притяжением.

Тишину аудитории разорвал громкий, резкий стук в дверь. Профессор Эйрма недовольно поморщился, прервавшись на полуслове, и опустил мел на кафедру.

— Кому там нейдет среди важной лекции? — возмутился он.

Тяжелая дубовая дверь приоткрылась, и в проеме показалась голова младшего секретаря учебной части. Седеющий мужчина в строгом, застегнутом на все пуговицы сером кителе виновато и смущенно поклонился аудитории.

— Прошу прощения за вторжение, профессор Эйрма. У меня срочное распоряжение напрямую от ректора.

— Слушаю вас. Говорите, — разрешил профессор.

— Адептку леди Дэйну Мортим, немедленно вызывают в главный кабинет ректора, — звонко доложил секретарь.

В просторной аудитории повисла такая звенящая тишина, что стало слышно жужжание одинокой осенней мухи под потолком. Я растерянно моргнула, не веря своим ушам.

— Простите, вы сказали — Мортим? — переспросила я, потому что не была уверена, что расслышала правильно.

— Именно. — Секретарь чуть склонил седую голову. — Прошу вас немедленно собрать свои вещи и проследовать за мной.

Алифанта, сидевшая справа от меня, издала тихий, судо-

рожный вздох и обернулась ко мне всем телом.

— Дэйна, — зашептала она в панике, округлив свои голубые глаза до размеров чайных блюдечек, — святые небеса, что ты натворила?!

— Понятия не имею, — честно шепнула я в ответ.

Я говорила чистую правду. Я судорожно перебрала в уме все свои действия за последние богатые на события дни. Никаких прогулов занятий. Никаких дерзких конфликтов с преподавательским составом. Зачетный реферат сдан на отлично, вчерашний сложный зачет по эссенциям — тоже на высший балл. К дисциплинарным взысканиям или нарушениям устава я не имела ни малейшего отношения.

— Леди Мортим, ректор ждет. Прошу вас, — поторопил секретарь с порога.

Я медленно, стараясь не выказывать волнения, собрала в сумку исписанную тетрадь, перо и баночку с чернилами. Защелкнула медную застёжку. Под пристальными, шепчущимися взглядами всего курса я встала из-за парты и перебрала тяжелый ремень сумки через плечо.

— Дэйна, — Алифанта крепко, до побеления костяшек схватила меня за локоть. — Что бы там ни случилось... ты мне потом обязательно все расскажешь?

Я посмотрела сверху вниз в ее побледневшее, искренне обеспокоенное лицо и очень мягко, но решительно высвободила свою руку из ее захвата.

— Обязательно расскажу, — пообещала я. Соврала, ко-

нечно.

Профессор Эйрма хмуро проводил меня коротким кивком, и я покорно пошла вслед за седеющим секретарем по гулкому пустому коридору.

Что я могла такого грандиозного натворить? Если бы проблема заключалась в учебе, долгах или плохом поведении, меня вызвал бы декан моего факультета или, на худой конец, заведующий кафедрой. Сам ректор академии занимался лично либо очень крупными, вопиющими скандалами, либо принимал очень важных, высокопоставленных гостей.

Может быть, вызов поступил по линии профессора Магранса? Вдруг кто-то из авторитетных преподавателей решил официально рекомендовать меня в престижную коллегию молодых артефакторов? Или, чем черт не шутит, мне решили присудить какую-нибудь особую стипендию за те блестящие ответы на семинарах?

Всё может быть. Нужно мыслить позитивно.

Мы поднялись по парадной лестнице на четвертый этаж и прошли по длинному застланному ковром коридору. С высоких стен на меня сурово взирали портреты прежних ректоров в тяжелых золоченых рамах. Казалось, что каждый из этих седых, бородатых старцев провожает меня неодобрительным взглядом.

У высоких двустворчатых дверей приемной секретарь остановился и оставил меня одну. Высокая, чопорная дама в очках, сидевшая за секретерским столиком, молча подня-

лась со своего места и торжественно, с легким поклоном распахнула передо мной тяжелые створки главного кабинета.

— Леди Мортим, проходите, — пригласила она. — Ректор ожидает вас.

Я сделала глубокий вдох и решительно шагнула через порог. И тут же намертво вросла в дорогой паркет.

Кабинет ректора потрясал своим размахом. Просторное помещение со сводчатым потолком освещалось светом из трех высоких, арочных окон на стене напротив входа. В самом центре возвышался массивный, резной дубовый стол, до краев заваленный древними книгами, картами и свитками. За этим столом, в высоком, похожем на трон кресле, восседал сам ректор академии — лорд Альмар. Седой, с короткой, аккуратно подстриженной бородкой клинышком, облаченный в торжественную темно-зеленую мантию, расшитую золотым галуном.

А вот напротив него, в удобном гостевом кресле, спиной ко мне, вальяжно расположилась до боли знакомая высокая фигура. Мужчина в безупречно сшитом темном костюме. Его длинная нога была небрежно закинута на ногу, а крупные ладони спокойно и расслабленно покоились на деревянных подлокотниках. На безымянном пальце правой руки в свете из окна тускло, но тяжело поблескивал массивный перстень с темным камнем.

Услышав мои шаги, гость медленно повернул голову.

Золотые, нечеловеческие глаза остановились на моем по-

бледневшем лице. В этом взгляде читался тот самый неторопливый, пугающе спокойный, изучающий интерес, с каким крупный, уверенный в своих силах хищник наблюдает за ничего не подозревающей мышью, которая сама только что вышла к нему из укрытия.

— Леди Мортим, — произнес он.

Низкий, вибрирующий голос графа Сайса заполнил огромное пространство кабинета, разливаясь как теплый густой мед. И в эту же секунду я физически почувствовала, как у меня под кружевом глухого ворота, пробивая слабую защиту наспех собранного артефакта, начинает нестерпимо гореть драконья метка.

Глава 8

— Ваше сиятельство.

Я заставила колени согнуться в дежурном книксене, адресованном сначала гостю, затем ректору.

Лорд Альмар вылетел из своего массивного кресла со стремительностью ужаленного вепря. Обычно он встречал адептов с величавой неторопливостью обремененного властью мужа, но сейчас буквально подскочил, едва не смахнув широким рукавом мантии тяжелую чернильницу на краю стола.

— Леди Мортим, проходите, проходите. Какая радость, какая радость!

Мои подошвы словно приросли к полированному дереву. Ректор указал на третье кресло у торца стола.

— Прошу вас. Садитесь.

Я опустила на самый край сиденья. Спину выпрямила струной, сумку прижала к коленям. Позиция идеальна для мгновенного броска к спасательной двери. Глупый студенческий рефлекс, укоренившийся после десятков взорванных артефактов на лабораторных. Мне требовалось физически ощущать открытый путь к отступлению.

Граф наблюдал за моими маневрами в звенящей тишине. Он склонил голову набок, будто изучая жертву. Хотя, ею я, наверное, и была, раз он здесь.

Метка под глушилкой на шее отозвалась ровным теплом. Вчерашняя бессонная ночь за верстаком окупилась. Новый артефакт пока обходился собственным резервом, и прямо сейчас держал фон очень плотно, хоть и на грани.

— Леди Мортим. — Лорд Альмар сложил пухлые ладони домиком. — У меня для вас удивительные новости. Поистине удивительные. Я бы осмелился назвать их историческими.

— Внимательно слушаю, ваша прославленность.

Ректор торжественно повел ладонью в сторону гостя.

— Граф Сай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.